

Елена
Логунова

Звезды

ИРОНИЧЕСКОГО ДЕТЕКТИВА

Шопинг
с Санта Клаусом

Елена и Ирка

Елена Логунова

Шопинг с Санта Клаусом

«ЭКСМО»

2008

Логунова Е. И.

Шопинг с Санта Клаусом / Е. И. Логунова — «Эксмо»,
2008 — (Елена и Ирка)

Тележурналистка Елена предвкушала приятную предновогоднюю командировку в Берлин, чтобы подписать с партнерами контракт и заодно насладиться шопингом. И все шло по плану, пока на обратном пути документ не украли! Пришлось Лене возвращаться, и повторный вояж в немецкую столицу понравился ей куда меньше первого – из реки Шпрее выловили чемодан с телом ее коллеги Юрика, которого босс отправил на помощь своей незадачливой сотруднице. А потом в офисе немецкой телекомпании случился пожар... Теперь Лена просто не могла покинуть негостеприимный город, не разобравшись, почему кто-то так стремится сорвать подписание этого контракта!..

© Логунова Е. И., 2008

© Эксмо, 2008

Содержание

1	5
2	7
3	15
4	17
5	23
6	24
7	26
8	28
9	31
10	35
11	39
12	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Елена Логунова

Шопинг с Санта Клаусом

1

Число 13 ничего хорошего не сулило само по себе, а уж в сочетании с подозрительной буквой «г» однозначно способно было накликать какую-нибудь крайне неаппетитную ситуацию.

Гарик был настолько уверен в этом, что при оформлении на рейс отказался от места «13 Г» так твердо, как ни разу не произносил сакраментальное «Да, согласен!» в актовом зале Дворца бракосочетания – а женился он уже трижды и всякий раз абсолютно убежденный в правильности своего очередного выбора.

Значительно более образованный и свободный от предрассудков Петрович над махровым суеверием Гарика только посмеялся, а зря: может, не сел бы на место «13 Г», так и не помер бы в одночасье! Впрочем, карму Петровича изначально омрачало не только неразумное пренебрежение приметами, но и хроническое сердечно-сосудистое заболевание.

Что Петрович сыграл в ящик, Гарик смекнул раньше всех, опередив даже самого Петровича, который незаметно для себя и своих соседей по ряду тихо умер во сне. У Гарика был наметанный глаз: к своим двадцати пяти годам он повидал столько покойников, что мог бы обойти по этому показателю заслуженного работника морга. Посмотрев на Петровича, скукожившегося под пледом, он правильно оценил его восковую бледность и заострившиеся черты лица, решив, что старик дал дуба еще на взлете. Таким образом, Петрович эргономично выстроил четкую вертикаль в Царствие небесное, откуда, впрочем, по итогам жизнедеятельности его запросто могли турнуть в преисподнюю. Гарик не идеализировал работу в Компании и не обольщался насчет перспектив загробной жизни сотрудников.

Делиться своим открытием с другими пассажирами и членами экипажа Гарик не стал: не в его интересах было поднимать шум и привлекать внимание к скончавшемуся Петровичу и его багажу. Не дожидаясь, пока бортпроводница озаботится пробуждением спящего последним сном, Гарик в череде других пассажиров поспешил к выходу из самолета и по пути непридуманно прихватил с полочки для ручной клади любимый ноутбук усопшего. Сам Гарик в компьютерной технике разбирался не в пример хуже, чем в покойниках, но у Босса имелись и другие спецы, кроме Петровича, смола ему пухом.

В ноутбуке покойника хранилась важная информация, отсутствие которой лишило бы Компанию ожидаемой прибыли и позиционного преимущества в борьбе с конкурентами. Гарик обоснованно полагал, что с потерей Петровича Босс примирится, а вот утрату его компьютера кое-кто не переживет. Не сам Босс, конечно, ему-то ничего не сделается – он без существенного вреда для здоровья пережил две пятилетки кровавой драки за кусок криминального пирога, а затем добросовестно усвоил его весь, благополучно переварив в чистый капитал. Потеря ноутбука могла фатально укоротить жизнь самого Гарика, а он пока не планировал заводить знакомство с серыми буднями моргов и погостов так далеко.

– Молодец, – скупой похвалил Гарика Босс, жестом переадресуя спасенный ноутбук нетерпеливо ожидающему специалисту.

Лысый, как колено, маленький живчик Петя Малявин, он же Мальвина, принял лэптоп, аккуратно поместил его на стол, потер розовые детские ладошки и ткнул пальцем в кнопку. Ноутбук открылся с тихим щелчком, неприятно напомнившим Гарика кое-что по оружейной части. Именно в этот момент у него появилось дурное предчувствие, осмыслить которое не отходя от кассы помешал душевный вопрос Босса:

– Родне нашего дорогого усопшего уже сообщили?

Босс, надо отдать ему должное, любил продемонстрировать заботу о людях. Особенно после их смерти.

– Сообщили, – ответил Гарик, скорбно приглушая голос, чтобы соответствовать благородной печали Босса. – Тело в морге, мы готовим похороны.

– Проверь, чтобы все было как надо! – велел Босс своему помощнику.

– Сделаем в лучшем виде! – пообещал тот, тоже убирая бодрые басы до приглушенного шелеста.

– Это был наш верный товарищ, – вздохнул Босс.

– Мастдайный ламер!

Специфическая ругань Мальвины образовала с чинным полутрауром кричащий диссонанс. И тут же дурное предчувствие Гарика оправдалось в полной мере:

– Юзать эту лапу анриэл! – объявил Мальвина.

– Использовать данный ноутбук невозможно, – машинально перевел для Босса его помощник. – Одну минуточку...

Он проворно обогнул фикус, за которым деликатно таился, подскочил к Мальвине и зашептался с ним на компьютерном сленге, смутные фонемы которого заметно беспокоили Босса, – он нахмурился и начал нервно притопывать ногой. Стараясь не попасться ему на глаза, Гарик тихонько попятился в освободившееся укрытие за фикусом.

Озабоченно выслушав Мальвину, помощник старательно распутал сведенные судорогой брови и неискренне улыбнулся Боссу:

– Виктор Иванович, тут у нас небольшая проблемка. Наш усопший товарищ немного перестарался с секретностью и использовал в качестве пароля отпечаток пальца.

– Руки бы ему оторвать! – не сдержавшись, пробормотал расстроенный Гарик.

– К сожалению, никто, кроме покойного владельца, работать с этим компьютером не сможет.

– Так и он тоже не сможет! – совершенно резонно заметил Босс. – И что теперь?

– Расфигачить лапу, вырвать винт и прикрутить к другой машине? – обернувшись к Мальвине, предложил разносторонне образованный помощник.

– Не вариант! – возразил тот.

Мальвина двумя руками потер лысину, сосредоточился и с трагическим надрывом выдал почти по-русски:

– По отпечатку генерируется ключ шифрования винта. Отпечаток совпадает – ключ активируется – можно работать. Отпечаток не совпадает – ни фига не работает. Выломать винт – раз плюнуть, прицепить к другому компу тоже не фиг делать, но юзать его не вариант!

– И что теперь? – настойчиво повторил Босс.

Лицо его налилось кровью, а ритм нервного притопа вплотную приблизился к виртуозной чечетке. Гарику стало ясно, что отсутствия конструктивного решения кто-нибудь из присутствующих не переживет. Надо было как-то спасти ситуацию. Грозный взгляд Босса прошелся по унылым физиономиям Мальвины, помощника и остановился на Гарике.

– Кгхм! – с ужасом ощутив на своем румянном лице ледяное дыхание смерти, беспомощно кашлянул он.

– Насчет того, чтобы оторвать нашему дорогому Петровичу руку, – буровя его взглядом, задумчиво промолвил Босс. – Это предложение было или как?

2

Поезд тряхнуло на стрелке, я тихо выругалась, и тут же с верхней полки слышался хриплый зов:

– Сестрица Аленушка!

– Чего тебе, братец Вадечка? – уныло отозвалась я, продолжая сутулиться у окошка.

– Сестрица, дай водицы напиться! – в рэповом стиле проблеял мой похмельный козленочек.

Я взяла со столика бутылку минералки и не глядя подала ее страдальцу. Наверху забулькало, потом слышался долгий вздох и снова голос – уже менее хриплый:

– Спасибо тебе, сестрица! Добрая ты...

– В жизни пригодится! – Я машинально закончила поэтическую строку подходящей рифмой.

Вадик одобрительно хмыкнул и заскрипел, укладываясь поудобнее. Минералка ко мне не вернулась, зато сверху, загораживая обзор, свесились угол клетчатого одеяла и вялая мужская длань. Одеяло я раздраженно забросила обратно, а с рукой обошлась более бережно: сначала пощупала пульс (кое-какой имелся), потом сняла показания хронометра на запястье. Было самое начало восьмого.

Прогрохотав дверью, я вышла в коридор, посмотрела там расписание движения поезда и, выяснив, что мы уже где-то за Ростовом, вернулась в купе.

– Чего тебе не спится, сестрица? – недовольно пробурчал Вадик, продолжая свой фольклорный рэп.

Я не ответила и снова пригорюнилась у окошка.

– Эх, сестрица! – вздохнул он и затих.

Насыпь железной дороги уходила в сизый туман, затянувший унылую пустошь до самого горизонта. Примерно таким (за исключением редких семафоров) и представляла венерианский пейзаж. Это заставляло меня чувствовать себя пришельцем, оказавшимся в мире недоброжелательно настроенных Чужих.

Некоторое время я сидела, безрадостно глядя на мелькающие в сером мареве за окном столбы, потом не выдержала, аккуратно – как дохлую рыбину – ухватила маятником расквашивающуюся передо мной пятерню и возвернула ее на полку к остальному организму дружественного мне гуманоида, товарища и брата.

Братско-сестринскими наши отношения с Вадиком стали совсем недавно. Вообще-то мы старые друзья, товарищи по работе и напарники: я – журналист, а он – мой оператор. Но директор родной телекомпании Василий Онуфриевич Гадюкин, напутствуя нашу боевую двойку перед отъездом на чужбину, со слезой повторял:

– Братцы! Вы уж там не подведите, братцы!

– Да не подведем мы, Василий Онуфриевич, не беспокойтесь! – заверила я, не выдержав его душераздирающего тона. – Работать мы умеем, язык знаем...

– Натюрлих! – вставил Вадик, сопроводив эту убедительную реплику коротким военным кивком в безупречном имперском стиле.

Я покосилась на него и тоже перешла на немецкий:

– Зер гут!

Легенду о знании немецкого языка мы с Вадиком сочинили и активно внедряли в сознание начальства на протяжении всего месяца, пока решался вопрос, посылать ли нас в командировку в Берлин. Поскольку места, в которые нас обычно посылают, гораздо менее привлекательны, чем культурная Европа (хотя зачастую гораздо более интересны), мы с напарником для разнообразия очень хотели поехать в Германию.

Привлекательности короткой заграничной командировке добавляло то, что состояться она должна была сразу после католического Рождества и перед самым Новым годом. Вадик радостно предвкушал тесное межполовое общение с празднично-веселыми и хмельными немецкими фройляйн, а мне грела душу мысль о рождественских распродажах. В общем, я специально выписала из русско-немецкого разговорника два десятка общеупотребительных выражений и не только зазубрила их сама, но и заставила сдать мне зачет по сильно усеченному немецкому знатного разгильдяя Вадика.

– Дас ист фантастиш! – решив, что пауза слишком затянулась, добавил мой товарищ.

Я предупреждающе кашлянула и покосилась на Гадюкина. Директор смотрел на нас с таким печальным умилением, словно провожал свою лучшую съемочную группу в последний путь. Я даже пожалела, что вместе с легендой о знании нами немецкого без устали внедряла в директорский мозг важную мысль: предстоящая берлинская миссия столь сложна, что справиться с ней под силу только матерым телевизионным волкам и волчицам. Но иначе было никак нельзя: у Василия Онуфриевича могло появиться нездоровое желание прогуляться в Германию и обратно самолично, оставив нас с Вадиком рутинно пахать телевизионную ниву на исторической родине.

– Идите, – с усилием проглотив ком в горле, сказал директор. – И без контракта не возвращайтесь!

– То есть нас фактически благословили в случае неудачного исхода дела просить политического убежища в Германии! – резюмировала я, когда мы вышли из директорского кабинета.

– Хенде хох! – радостно ответил Вадик и в полном соответствии со сказанным поднял руку, подставляя мне ладонь.

Я хлопнула по ней в высоком замахе, и мы пошли в бухгалтерию вымогать командировочные, от которых к данному моменту – в день нашего возвращения на родину – остались только смутные воспоминания.

За дорогу и проживание в отеле мы с «братцем» не платили, но вынуждены были потратиться на переводчика – правда, нам удалось немного сэкономить, ангажировав этого самого переводчика вместе с его личным автомобилем в качестве водителя. Это была моя персональная заслуга: именно я отыскала контакты такого полезного человека на сайте «Русская Германия», где бывший поволжский немец Пауль Кох предлагал себя потенциальным нанимателям в качестве гида. Сопровождая, вернее даже – транспортируя нас с Вадиком на деловую встречу, Паша по неистребимой профессиональной привычке бормотал крепко зазубренную лекцию о местных достопримечательностях, что вполне заменило нам платную экскурсию. Так что, с какой стороны ни посмотри, сотрудничество с герром Кохом оказалось для нас с напарником трижды выгодным.

А что до того контракта с национальным телевидением Германии, за которым нас послал Гадюкин, то его мы заключили без всяких проблем и хлопот. Оказывается, нам всего-то нужно было приехать и принять участие в торжественной церемонии подписания соглашения о сотрудничестве! С немецкой стороны контракт подмахнул импозантный дедушка с седой гривой а-ля Альберт Эйнштейн, с нашей – я. Признаться, мне доставило удовольствие изобразить закорючку вблизи того немецкого слова из тридцати семи букв, смысла которого я не поняла (в разговорнике его не было), но сочла достаточно внушительным, чтобы соответствовать моей самооценке. В штатном расписании нашей телекомпании я числюсь шеф-редактором службы новостей, но мне крайне редко доводится столь важно титуловаться вне строки бухгалтерской ведомости.

Культурные немцы все сделали красиво. Наш экземпляр контракта – четыре листа кремовой бумаги с тиснением и водяными знаками – затейники сложили втрое, запечатали в пергаментный конверт, его, в свою очередь, поместили в кожаный футляр – и всю эту красоту вручили нам совершенно задаром. «За красивые глаза!» – как сказал довольный Вадик.

Глаза, видимо, имелись в виду мои – Вадиковы в краткий период нашего пребывания в Берлине красотой не блистали: они постоянно были припухшими и красными. В первый же вечер мой напарник в сопровождении не в меру услужливого переводчика-водителя-гида Паши Коха отправился в какой-то ночной клуб, откуда вернулся под утро без Паши, но с дамой, и не выходил из своего номера до вечера. Я в это время потрошила закрома берлинских магазинов, наслаждаясь редким удовольствием – одиночным шопингом. Обычно мне приходится делать покупки в компании сынишки, который столь любознателен и непоседлив, что я больше занята своевременным возвращением на полки его покупок, чем выбором своих.

А вечером, когда мой названный брат с его новым приятелем поволжско-немецкого происхождения вновь отправились крепить дружбу и любовь между народами, у меня планировалась своя собственная культурная программа. Она имела некоторое отношение к дружбе, но никакого – к любви, и именно по этой причине я была столь мрачна в туманное и седое утро нашего возвращения на родину.

Второй – и последний – вечер нашего пребывания в столице Германии я провела в обществе мужчины, который в бытность свою мальчиком являлся моим соседом по лестничной площадке и по совместительству первой любовью, столь же светлой, сколь и безответной. По последнему пункту у меня, естественно, остались к бывшему соседу серьезные претензии. Пять долгих лет я тайно его обожала, а он, видите ли, не изволил этого заметить! Эту обиду я запомнила и даже за давностью лет не могла простить, хотя былые чувства давно улетучились.

Экс-мальчик Саша, которого в связи с изменениями в возрасте, статусе и внешности более подобало почтительно величать Александром Андреевичем, не сразу узнал меня при встрече и не казался смертельно разочарованным моим новым обликом. Это меня воодушевило. Мое воображение, богатое, как все семейство Онассис, без всяких просьб и поощрений приступило к черновой разработке плана окончательного и бесповоротного охмурения ранее неприступного субъекта. Хотя воплощать этот безнравственный сценарий в жизнь я не собиралась, представлять торжество исторической справедливости мне было приятно. Каково же оказалось разочарование, когда на финишной прямой к моему отелю бывший кумир прекратил поступательное движение к победе Добра (в моем лице) над Злом (ясно, в чьем) и, обняв меня не более страстно, чем плюшевого мишку, со словами прощания на устах устремился к свободной машине такси!

– Я очень тяжело переносу рецидив детско-юношеского комплекса неполноценности, – пожаловалась я Вадиду, когда он понял, что мое сопливое хрюканье не позволит ему уснуть, слез со своей полки и с подкупающей душевностью спросил: какого черта я распустила нюни, как голодный шарпей?!

Пришлось рассказать напарнику, что после отъезда нестигаемого Саши я натворила немало глупостей. Вместо того чтобы подняться в свой номер и благоразумно лечь спать в гордом и отвратительном одиночестве, я осталась в холле. И не просто осталась, а ледоколом вломилась в плотную толпу принаряженных иностранных граждан с бокалами и рюмками. Скучных знаний немецкого языка, почерпнутых из замечательного разговорника, мне удивительным образом хватило, чтобы понять: я угодила на коктейль-прием Берлинской ассоциации юристов.

Лучше бы я этого не знала! Ведь мой так и не состоявшийся возлюбленный за истекшие годы тоже сделался не кем-нибудь, а именно юристом! Этого трагического совпадения оказалось достаточно, чтобы вывести меня из себя далеко и надолго.

Окинув недобрым взглядом представителей ненавистного мне отныне племени законников, я локтями проложила себе путь к открытому источнику алкоголя и показала этим скучным крючкотворам, этим занудным судейским, этим хитроумным лицемерам, сухим и пыльным, как прабабушкин школьный гербарий, что такое живая натура, способная искренне и непосредственно выражать свои чувства.

Живая натура в моем исполнении выглядела впечатляюще. Когда я, зажмурясь, решительно опрокинула вторую рюмку огненной самбуки, некоторые крючокотворы и лицемеры мужского пола разразились одобрительными восклицаниями. Я глубоко затынулась дымом с привкусом кофе, открыла глаза и в упор посмотрела на ближайшего крючокотвора. Он ответил мне неуверенной улыбкой.

– Юристы капут! – с ненавистью сказала я и обошла приветливого лицемера по крутой дуге, попутно зацепив плечом и локтями с полдюжины менее приветливых.

Пылающая самбука высветила глухие закоулки моей грешной души. Понимание, что с юристами мне тотально не везет, нарушило гармонию мироздания окончательно и непоправимо. В этот момент я совершенно неистово желала обладать... Нет, не одним-единственным мужчиной – одной-единственной ракетой класса «земля—земля» и точными координатами местонахождения своего обидчика.

– Даже не знаю, что он должен был сделать, чтобы я его простила! – призналась я Вадиду, гневно раздувая ноздри.

– Харакири? – добродушно подсказал мой напарник.

Я хмыкнула и слабо порадовалась, что уже могу над этим смеяться, – до начала душеспасительной беседы я при воспоминании о том вечере непроизвольно стискивала кулаки, вгоняя ногти в ладони. А той ночью в отеле мне нестерпимо хотелось набить кому-нибудь физиономию! Ну, хоть кому-нибудь! Только остатки политкорректности не позволяли мне использовать в качестве боксерской груши иностранца.

– Именно поэтому я стала посылать эсэмэски ему – своему бывшему соседу, – объяснила я.

– Пыталась таким образом избежать назревающего межнационального конфликта? – фыркнул напарник. – Ой, только не заливай! Да ты просто хотела заставить его вернуться, чтобы реализовать свои порочные желания!

Эта грубая мужская трактовка тонких душевных порывов мне совсем не понравилась. Я представила на миг, как сильно она не понравится моему супругу, если Вадик проболтается ему о моих берлинских страданиях, и пожалела, что открыла душу напарнику. И моя давняя любовь, и моя новая ненависть одинаково роняли меня в глазах мужа.

Стало ясно, что душевный разговор пора сворачивать, но Вадика уже было не остановить. Вникнув в то, что ему показалось сутью моих переживаний, он начал подводить под козны не расположенного ко мне мироздания философскую базу.

– Знаешь, Ленка, один мудрый человек, барахтаясь в зубах акулы, сказал себе так: «Я за свою жизнь съел столько рыбы, что по справедливости теперь рыба должна съесть меня!»

– Ты читал Хемингуэя? – некстати удивилась я. – Про акулу только врешь, не было ее там.

– Она тут, у нас, – акула пера! – Вадик изобразил шутливый поклон в мою сторону.

– А кто у нас человек?

– Я! – Напарник постучал себя в грудь кулаком. – И вообще, «человек» – это по-украински «муж, мужчина». И относиться к нам, мужчинам, нужно по-человечески! А ты вот лично сколько рыбы съела?

– Я вообще рыбу не ем! Я ее не люблю!

– А мужиков любишь? Вообще?

– Да. – Я кивнула, потому как понимала, что запыряться бессмысленно: Вадик знает меня десять лет. – Мужиков я люблю. Но далеко не всех!

– Во-от! О том и речь!

Вадик победно щелкнул пальцами. Я посмотрела на него задумчиво.

– Кажется, я уловила смысл твоей аллегории...

– Смысл простой: ты, Ленка, отшила столько мужиков, что кто-то должен был отшить тебя! Один за всех и все за одного!

В голосе моего дотоле верного товарища послышалось неприятное ликование.

– Ты-то чего радуешься? – хмуро спросила я.

– Ну, здрасте! Меня же ты тоже отшила!

– Разве? – Я напрягла память.

– А разве нет? – Вадик расценил эту неуверенность по-своему, живо прыгнул на мою полку и сделал попытку приобнять меня за талию.

– Руки прочь! – рывкнула я и пересела на другую сторону.

– Вот, видишь! Отшила! – Вадик старательно скроил обиженную мину.

Я посмотрела на него с беспокойством. Черт, неужели мой напарник тайно питал ко мне особо нежные чувства? А теперь возненавидит меня, как я своего (то есть, увы, не своего) Александра, и затаит обиду на всю оставшуюся жизнь... Которая, сто процентов, будет у него недолгой, потому как я еще не потеряла желания кого-нибудь убить, и Вадик, пожалуй, сгодится... Один, так сказать, за всех.

– Ладно, Ленка! – решительно сказал мой товарищ и брат. – Я знаю, что тебе сейчас надо сделать!

– Не харакири, надеюсь? – пробормотала я, с беспокойством наблюдая, как он поднимает сиденье и наклоняется над багажным ящиком.

Длина полки вполне позволяла разместить под ней стандартный самурайский меч. Я, правда, не помнила, чтобы в багаже моего товарища было что-то подобное, но мало ли какой сувенир он мог прихватить из-за границы.

– Тебе надо выпить! – непререкаемым тоном пророка возвестил Вадик и со стуком поставил на стол плоскую бутылку виски.

– Где ты это взял? – удивилась я.

– В кофре, – честно ответил напарник и улыбнулся. – А ты думала, я такой же дурак, как некоторые? Думала, я тоже пожертвовал весь свой элитный алкоголь жлобам с украинской таможни?

– Вот ты скотина, братец козленочек! – в сердцах воскликнула я. – Не мог поделиться со мной ценным советом!

– Советом – мог, а кофром – нет. В потайной карман больше двух бутылок не поместилось, – с сожалением сказал Вадик.

Я с прискорбием вспомнила две пузатые литровые бутылки «Бэйлиса», изъятые у меня «человеками» с украинской таможни, и сокрушенно вздохнула.

Наш с Вадиком обратный путь был долог, труден и полон потерь. То есть сначала все было хорошо. Мы благополучно вылетели из Берлина бортом «Люфтганзы» и мысленно уже готовились ступить на кубанскую землю, но из-за погодных условий наш самолет не посадили в Екатеринодарском аэропорту. Ростов тоже не принимал, и мы приземлились в Донецке. Там нас погрузили в автобус и повезли в ночную степь, посреди которой в окружении крайне неудобных буераков помещался таможенный пост, представляющий собой будку, плотно занятую тремя украинскими парнями.

Они ожидали нашей встречи не больше, чем мы. Когда из окружающего пост седого тумана появилась первая фигура в деловом костюме, с чемоданом на колесиках, пакетом из «Дьюти фри» и удивительным вопросом: «Борт 335, нас так пропустят или еще досматривать будут?» – служивые хлопцы оторопели, и я вполне могла их понять. Это был первый в истории случай появления на наземном посту донецкой таможни российских авиапассажиров с пакетами из Берлинской зоны беспошлинной торговли! Впрочем, таможенники оказались ребятами бывальыми и сориентировались огорчительно быстро. Почти все пассажиры вынужденно расстались с прикупленным перед вылетом алкоголем. Один только Вадик оказался вполне успешным бутлеггером!

– Постой-ка! – нахмурилась я. – А где лежит наш немецкий контракт?

– В кофре, в потайном кармане, – ответил напарник. – Ты же сама просила спрятать этот важный документ понадежнее.

– Но я не просила прятать туда же контрабандное виски! – рассердилась я. – Вадик, у тебя голова есть? А если бы бутылки разбились? Что было бы с контрактом? А ну, дай его сюда!

Невзирая на уверения напарника, будто немного замечательного шотландского виски никому и ничему не повредят (даже русско-германскому контракту), я заставила Вадика вытащить футляр с ценными бумагами из секретного отдела кофра и сунула его под свою подушку.

Унылый венерианский пейзаж за окном сменился вполне обжитым земным, правда, образца середины прошлого века. Поезд приближался к станции, в соседних купе намечалось оживление, в коридоре образовалось движение.

Наш вагон остановился напротив протяженного прилавка, уставленного разнообразной снедью умильного деревенского вида. Фон для корзин, кастрюль и чугунков образовывали однотипные станичные тетушки в белых платочках и куртках с китайского рынка. В лучах утреннего солнышка красиво серебрились вязанки сушеной тарани.

– О! Закусь! – обрадовался Вадик. – Я сейчас!

Он спешно обулся и, путаясь в рукавах куртки, вывалился в коридор, по которому уже массово топали другие любители закуси.

– Я же не люблю рыбу! – запоздало напомнила я. – Мне пирожок с сыром купи!

Вадик уже выскочил на перрон и, зябко ежась, приплясывал вблизи наиболее богатой коллекции рыбных чучел. Хореографический номер получился у него интересный, с сюжетом: придиричиво пощупав таранку, напарник похлопал по карманам, стукнул себя по лбу, обернулся к поезду и выразительными жестами потребовал от меня финансового участия в процессе. Я было удивилась, что цены на сушеную рыбу за время нашего недолгого отсутствия на родине так сильно выросли, что обыкновенная таранка стала Вадiku не по карману, но тут же заметила, что растяпа просто забыл в купе свой бумажник – он так и остался лежать на столе.

Открыть окно я не сумела, пришлось организовать доставку напарнику денег из рук в руки. Хотя идти было недалеко, управилась я минут за пять, не меньше: в коридоре, в тамбуре и у вагона стояла толчея. Мужчины в тренировочных штанах и майках, женщины в спортивных костюмах и комнатных тапочках, детишки, крепко сжимающие в кулаках шоколадные батончики, бабули с клетчатыми сумками времен расцвета челночной торговли – вся эта классическая пассажирская братия образовала на моем пути плотную пробку.

– Дорогу большому слону султана! – бешено орал Вадик, пробиваясь уже в обратном направлении – в купе.

Одной рукой он тянул за собой меня – как маленького слоненка султана, в другой держал гирлянду из тарани, которой потрясал над толпой, как связкой колокольчиков. Серебристые рыбины не звенели, но рассыпали вокруг солнечных зайчиков и сухую чешую. Она падала на головы граждан, как напоминание о приближающемся празднике – новогоднее конфетти. Народ чертыхался и послушно сторонился с нашей слоновьей тропы.

– Ну вот, теперь можно и поговорить по-человечески! – сказал Вадик, ловко ободрив и разделив янтарную таранку. – Продолжай, дорогая. Итак, ты напилась самбуки и принялась бомбардировать дезертировавшего Александра эсэмэсками. А он?

– А он молчал, как дохлая рыба, – неохотно призналась я, ассоциативно покосившись на в высшей степени неживую таранку.

– Вот негодяй! – весело сказал Вадик и поднял свой стаканчик с виски. – За твое, Ленка, душевное здоровье! Вишь, какому испытанию оно подверглось! Надеюсь, ты не сойдешь с ума в попытке понять, почему этот стойкий парень не ответил на твои призывы – как телепатические, так и телефонные.

– Ты думаешь, мне больше думать не о чем?! – разозлилась я. – Я и так знаю, почему он не ответил!

– Почему? – Вадик живо заинтересовался и даже сделал попытку предугадать ответ. – Ох, блин... Неужели синьор импотенто?

– Сам ты импотент! – обиделась я. – С этим у него все в полном порядке, можешь мне поверить, я в мужиках разбираюсь, как... как...

Я замялась, подыскивая сравнение, которое не уронило бы мой многострадальный моральный облик ниже рельсов и шпал.

– Как я – в рыбе, – кивнул напарник и подвинул ко мне неопознанный фрагмент таранки. – Ты закусывай, закусывай, а то снова захмелеешь и по пьяни еще каких-нибудь дел натворишь!

– Золотые слова, – виновато пробормотала я. – Вадя, я ведь не все тебе сказала. Я после самбуки и перед рассылкой эсэмэсок еще текилу пила.

– У-у-у-у! – Напарник сокрушенно покачал головой и уронил подбородок в ладони. Взгляд его заблестел дьявольским весельем. – Представляю, какие ты потом писала тексты!

– Хорошо тебе, – сокрушенно позавидовала я. – Я вот, например, этого совсем не представляю! Смутно помню, что тексты были смелые, призывные и, кажется, немного ругательные... Сто пудов, называла я адресата каким-то нехорошим словом... Но каким?

– Наверное, козлом! – услужливо подсказал Вадик, повторно наполняя стаканы. – По опыту знаю: все бабы, когда злятся на мужиков, почему-то называют их козлами!

– Да ничего подобного! – горячо возразила я. – Я лично никогда никого козлами не называла!

Напарник недоверчиво заломил бровь, и я справедливости ради добавила:

– Конечно, кроме собственно козлов – настоящих, с рогами, из мира животных.

– Ну, тогда давай за нас, настоящих мужиков, прощающих вам, настоящим женщинам, любые обиды! – торжественно возвестил Вадик, поднимая стакан. – Что бы ты ни говорила, а Саша этот молодец. Не стал ругаться с пьяной дамой, проявил терпение и мудрость, промолчал и погасил конфликт.

– Да ничего он не проявил! – взбесилась я. – Уверена: он не ответил просто потому, что не получил моих сообщений! Он знать не знает, что я на него разобижена! У меня разных Саш в адресной книге – человек двадцать! Ты меня все время перебиваешь, не даешь рассказать главное: я эти свои наглые эсэмэски по ошибке кому-то другому отправила!

– Кому? – Вадик на секунду замер в ожидании ответа, а потом проворно полез в карман за собственным мобильником. – Интересно, я ничего такого игривого не получал? Ну-ка... Нет, мне ты ничего не присылала. Хочется думать, это только потому, что я не Саша.

– Вот ужас-то, – пристыженно пробормотала я. – Ничего себе – ситуация! Я послала в белый свет, как в копеечку, восемь хамских сообщений, которых сама не помню, потому что сразу же их стерла. И теперь даже не могу узнать, кому они ушли!

– Любому из двадцати Саш в твоих контактах! – безжалостно поддакнул Вадик. – Хотя по пьяному делу ты запросто могла в одну кучу к Сашам и Вась, и Петь подгрести!

– Кошмар! – Я залпом выпила виски и пригорюнилась пуще прежнего. – Как я теперь людям в глаза смотреть буду? Не зная, кого из них я безвинно отругала?

– И еще бесстыже агитировала на аморалку! – добил меня бессердечный напарник.

Я застонала, повалилась на полку и накрыла свою глупую голову подушкой.

– Давай-давай, страдай как следует! Угрызения совести – это страшно мучительно, но полезно! – назидательно сказал Вадик, некультурно чавкая таранкой. – Авось осознаешь правоту народной мудрости: «Как аукнется, так и откликнется». И в следующий раз десять раз подумаешь, прежде чем послать нового кавалера куда подальше!

– Не нужны мне никакие новые кавалеры! – огрызнулась я из-под подушки.

– Запоздалое заявление! – хмыкнул напарник. – Сколько, ты говоришь, отправила страстных призывно-ругательных эсэмэсок? Восемь? Если тебе не повезло (или если повезло – это

как посмотреть) и все они достались разным адресатам мужского пола, то в самое ближайшее время тебе предстоит объясняться с восемью потенциальными кавалерами! А как ты думала? Ни один нормальный мужик не оставит такую тему без внимания! Будешь отбиваться...

– Начну прямо сейчас! – я дико разозлилась и швырнула в Вадика свою подушку.

Он ловко пригнулся и издевательски захохотал. А я зашипела, подыскивая подходящее ругательство (в голову упорно лезло одно «Мужики – козлы!») и вдруг осеклась, охнула и схватилась за сердце.

– Эй, Ленка, ты чего? Не надо так нервничать! – перестав смеяться, забеспокоился напарник.

– Надо, Вадя, надо! – прошептала я, судорожно шаря руками по желтоватой железноружной простыне. – Где он? Куда пропал?!

– Кто? Твой Саша?

– К черту Сашу!!! – рявкнула я, чуть не плача. – Наш немецкий контракт! Он лежал у меня под подушкой, а теперь его там нет!

Вадик открыл рот и выронил недоеденный рыбий хвост. Я закрыла глаза, схватилась за голову и застонала, только теперь осознав, что такое настоящий кошмар и ужас.

Пока мы с напарником отсутствовали в купе, нас ограбили!

3

– Юрик, ты знаешь, что это за дрянь? – с напускной кротостью спросил Василий Онуфриевич Гадюкин своего доверенного помощника.

– Что? – переспросил тот, не спеша приближаясь.

Юрик Солнцев в меру сил и способностей помогал Василию Онуфриевичу в самых разных делах еще в те времена, когда господин Гадюкин ограничивал свой интерес к телевидению просмотром «Криминального вестника» и знал только одно значение слова «камера». Сотрудничество возникло на почве, политой кровью и нетрудовым потом братков, и Юрик не забыл, каким суровым и несправедливым бывал кадровый менеджмент в исполнении Василия Онуфриевича.

Директор энергично шарил в выдвижном ящике, содержимое которого скрывала от взгляда помощника широкая столешница. Нервное движение гадюкинской длани не позволяло с уверенностью догадаться, какую именно дрянь он собирается извлечь на свет божий. Юрик не сильно удивился бы, увидев, например, боевую гранату. Приличным бизнесом Василий Онуфриевич командовал не настолько давно, чтобы стопроцентно изжить бандитскую привычку всегда держать под рукой что-нибудь огнестрельное или взрывоопасное. Хотя дрянью он такие полезные вещи никогда прежде не называл.

– Вот это! – сказал директор, перебросив помощнику свой коммуникатор.

Юрик, успевший застращать себя мыслями о гранатах, замешкался и выхватил дорогую игрушку из воздуха за мгновение до ее столкновения со стеной.

– А что не так? – спросил он, непонятливо оглядев коммуникатор, с виду производящий вполне приятное впечатление.

– Последнее сообщение прочитай, – буркнул Василий Онуфриевич.

Он скрестил руки и откинулся на спинку кресла, буровя помощника недобрым взглядом.

– Эсэмэс? – уточнил Юрик, проворно тюкая по сенсорным кнопкам.

И без промедления прочитал с экрана:

– «Какой же ты все-таки гад! А я не могу. Плохо дело». Гм! – Помощник кашлянул, быстро взглянул на директора и застенчиво потупился.

Он лучше многих других знал, как не любит Василий Онуфриевич бесцеремонных вторжений в свою личную жизнь. А текст данного эсэмэс– сообщения производил впечатление весьма и весьма приватного.

– Чей это номер, ты знаешь? – хмуря брови, спросил директор.

– Ну... да, знакомый номер, – неохотно признался помощник, в душе остро сожалея о собственной забывчивости. – Это мобильный Елены. Она у нас редактор новостей.

– А то я не знаю, кто она у нас! – рявкнул Гадюкин, выбрасывая себя из кресла.

Юрик посторонился, освобождая шефу побольше жизненного пространства. Директор резвой трусцой пробежался от стены до стены и на повороте высоко воздел руки:

– Неблагодарные!!!

– Бабы – они все такие, – сокрушенно вздохнул Солнцев, сочтя необходимым проявить умеренное сочувствие к личной драме руководителя.

Гадюкин коротко рыкнул, дернул узел галстука, закрыл глаза, сделал глубокий вдох и на полтона ниже пожаловался:

– Ну, положим, о том, что в нашем дружном телевизионном коллективе руководителя за глаза называют гадом, я и так знал.

Юрик тактично промолчал. Гадом Василия Онуфриевича называли во всех коллективах, которыми он руководил, зачастую добавляя к этому слову из трех букв еще более ругательные, производные от других коротких слов.

– Но почему же она не смогла справиться без меня?! – возмутился Гадюкин. – А Рябушкин ей что, не мужик? Или он вообще ни на что не годен?!

Он требовательно посмотрел на помощника, но тот предпочел выдержать паузу. Неожиданно вскрывшиеся сложные взаимоотношения шефа с редакторшей новостей не сильно удивили Юрика: Василий Онуфриевич частенько проявлял интерес к симпатичным сотрудницам, хотя в ответной реакции никто из представительниц трудового коллектива до сих пор замечен не был. А вот упоминание в том же контексте знатного студийного ловеласа Рябушкина, о котором ходили упорные слухи, что он очень даже мужик и годится на многое, интриговало и будило фантазию.

Воображение Юрика принялось рисовать очертания классического любовного треугольника, но Гадюкин испортил ему всю пространственную геометрию неожиданным заявлением:

– Юра, ты немедленно отправляешься к ним! Я сам не могу, а там конкретный мужик нужен, а то запорют, гнилые интеллигенты, все дело!

– Куда – к ним? – струхнул помощник, смущенное воображение которого торопливо переформатировало треугольник в квадрат, конфигуративно совпадающий с очертаниями огромной многоспальной кровати, способной вместить и бесследно поглотить как интеллигентов, так и конкретных мужиков. – Василий Онуфриевич, я же это... Я женат!

– Жене скажешь, что отпуск я тебе не дал, так что в Париж свой полетите не на Новый год, а на майские праздники! – рявкнул директор. – Живо бери билет и ближайшим рейсом в Берлин! И никаких возражений! Ты сейчас один у нас с открытой шенгенской визой!

Безудержный гнев Василия Онуфриевича сулил помощнику в дополнение к открытой визе пару закрытых переломов, поэтому дальнейших возражений со стороны подчиненного не последовало.

Супругу Солнцева это обстоятельство очень расстроило, но в срочную командировку в столицу Германии Юрику предстояло лететь в одиночку.

4

– Пропустите, граждане! Пропустите! – шумел Вадик, проталкиваясь к купе проводницы.

Шумел он эффектно (пол-литра виски мы распили не зря!), но результативную шутку про султанского слона больше не использовал – настроение было совсем не то, чтобы веселиться. Утеря священного контракта грозила нам с напарником крупными неприятностями со стороны шефа и его партнеров по бизнесу.

Лисьей манерой Василия Онуфриевича Гадюкина именовать своих сотрудников «братцами» обманываться не стоило. «Видал я такого родственничка в гробу, в белых тапках!» – емко высказывался по этому поводу Вадик. К сожалению, гораздо более вероятным представлялось, что в сосновый ящик сыграем мы с ним. Денежный немецкий контракт призван был спасти нашу телекомпанию от крайне нежелательного слияния с медиахолдингом, у хозяина которого имелись давние контры с Гадюкиным: в не столь далеком прошлом они оба являлись топ-менеджерами соперничающих бандформирований и в новые времена не затруднились перенести кровавую драку на попрание легального бизнеса. Не нужно было быть большим специалистом по жизни и быту отечественных мафиозных группировок, чтобы понять: без спасительного контракта Гадюкин и его бизнес-банда встретят нас с Вадиком отнюдь не хлебом-солью. «Не с калачами, а с «калашами»! – мрачно сострил мой напарник.

Умирать в расцвете лет решительно не хотелось, хотелось как-то спасти ситуацию и себя с ней заодно.

В узком коридорчике у служебного купе толпились люди.

– Граждане! – проникновенно сказал им Вадик, пробившись в первый ряд. – Разойдитесь! Сейчас не время думать о суетном и вымогать у проводников чай и белье. Родина в опасности!

– Вах, дарагой, нэ мешай! – с досадой отмахнулся от оратора горбоносый дядечка, по лицу и акценту которого можно было предположить, что его родина в опасности со времен Шамиля. – Дэвушка!

– Девушка! – поправил произношение кавказца Вадик и продолжил свою линию: – У вас в поезде воры! Нас только что ограбили!

– О, еще один раззява! – поразительно хладнокровно резюмировала «девушка» – массивная тетка возрастом хорошо за сорок.

Она подняла на Вадика лазоревые глазки и неожиданно бешено рявкнула:

– А кто за вашими кошельками смотреть должен?! Пушкин?! Поездная бригада за вещи пассажиров ответственности не несет!

– И меня! Меня тоже ограбили! – почти без акцента возопил кавказец. – Дэнъги взяли, телефон взяли, записной книжка и паспорт тоже зачем-то взяли!

Граждане, сгруппировавшиеся в коридоре, заволновались, зашумели – всяк спешил сообщить о своих утратах, общий список которых обещал стать протяженным, как Байкало-Амурская магистраль.

– Все претензии – к линейной милиции на транспорте! Идите в отделение, пишите заявления! – гаркнула проводница и с грохотом задвинула дверь своего купе перед самым носом Вадика.

Я оценила совет как филолог – рифма «отделение-заявление» была безупречна, но с точки зрения пользы дела ценность данной рекомендации казалась мне сомнительной. Ну, пойдем мы с Вадиком в милицию, напишем заявление – и что? Линейщики со всех ног бросятся ловить вора?

Я не заметила, что произнесла это вслух, но услышала ответ на свой вопрос:

– Они-то бросятся – вон сколько народу заявления напишут, да только воры те давно уже тю-тю! – со вздохом сказал худощавый парень с печальным лицом Пьеро.

Сходство с грустной марионеткой из кукольного театра Карабаса-Барабаса усугубляла белая трикотажная рубашка, выпущенная поверх таких же штанов. И рукава, и штанины одеяния, по цвету и фактуре абсолютно не соответствующего времени года, были невысокому юноше откровенно длинны.

– Ничего, что я в пижаме? – перехватив мой удивленный взгляд, обеспокоенно спросил Печальный Пьеро.

Краснея, он поспешно натянул теплую куртку, отчего не стал выглядеть менее комично, зато приобрел законченный имидж раззявы, оставленного наглým вором буквально без штанов.

– У вас одежду украли? – сочувственно спросила я.

– Когда? Сейчас? – Пьеро помотал головой. – Нет, на этот раз обошлось! Я в купе один ехал, закрылся изнутри, ну, и проспал свою станцию. Придется теперь назад возвращаться, а переодеться уже не успеваю – мы сейчас всего на минуту остановимся.

Уяснив, что чужак в пижаме не наш ограбленный собрат, я потеряла к нему интерес. А он, наоборот, разговорился:

– А у вас они что украли – вещи или деньги?

– Они? – я выцепила из вопроса одно ключевое слово. – Откуда вы знаете, что вор был не один? Вы их видели? Можете описать, составить словесный портрет?

Я цепко ухватила предполагаемого свидетеля за пижамную пуговку, готовясь тащить его в милицию для дачи показаний.

– Я-то никого не видел, я спал, – не сделав ни малейшей попытки вырваться, охотно ответил парень. – А вот вы наверняка видели этих жуликов. Думаю, это была группа мужчин и женщин, одетых в дорожную одежду – спортивные костюмы, халаты, шлепанцы. Почти наверняка с детьми. Они прошли по вагону, когда пассажиры на станции выскочили на перрон за покупками. Взрослые стояли «на стреме», а дети выгребали все, что могли, из карманов, сумочек, из-под подушек...

– Точно, из-под подушки! – охнула я и почтительно приглушила голос. – Вы – кто? Ясно-видящий?! Или милиционер?

– Нет! – Пьеро грустно улыбнулся и покачал головой. – Я многократно потерпевший! Просто я очень часто езжу поездом и на собственной шкуре узнал типичные трюки транспортных воров.

– Так! – Я потянула за пуговку, которую продолжала держать нежно и крепко, как опытный дояр – место приложения своих умелых рук, и оттащила знающего человека в относительно тихий уголок. – Расскажите-ка мне, что вы знаете про такие типичные кражи в поездах. Куда эти воры прячут награбленное? Как отступают с места преступления? Где можно ждать их следующего появления?

У меня появилась робкая надежда, что с помощью неожиданно обнаружившегося консультанта по транспортным кражам мы с Вадиком скорее, чем при поддержке линейной милиции, нападём на след похищенного документа. А если понадобится, то и на самих похитителей нападём, за нами не заржавеет!

«Вот и представится случай надавать кому-нибудь по мордасам!» – кровожадно хохотнул мой внутренний голос, радуясь шансу совместить личные нужды с общественными.

– Вадик, живо сюда! – позвала я напарника.

В нашей дружной паре «журналист—оператор» функции командира обычно выполняю я. Просто потому, что задача Вадика – фиксировать происходящее, а что именно из всего разнообразия реальности, данной нам в ощущениях, нужно увековечить, определяю я. Конечно, у оператора может быть свое мнение, и оно заслуживает внимания, но спорить и капризничать

без необходимости мой напарник не любит (и большое ему за это спасибо). Услышав призыв, озвученный деловитым, «рабочим» тоном, Вадик без раздумий подчинился: перестал бестолково материться и молотить кулаками в дверь служебного купе, растолкал наших собратьев и сосестер по несчастью и встал рядом со мной, заметно устранив хрупкого Пьеро своей внушительной фигурой и грозным выражением лица. Я решила, что пора нам всем познакомиться, и живо представила себя и напарника:

– Я Лена, а это Вадим.

– Я Вася, – заметно робея, сообщил юноша.

– Пусть будет Вася, – одобрила я. – Давайте, Вася, делитесь опытом.

– Ибо Господь велел делиться! – протоиерейским басом бухнул суровый Вадик.

И Вася стал делиться. Опыт пассивного – в качестве жертвы – участия в имущественных преступлениях на транспорте у него был огромный. Он не понаслышке знал, кто такие «мойщики» и как они действуют, назубок затвердил обычные приемы карманников, работающих в переполненных электричках, и даже имел печальный опыт знакомства с жуликами, которые надевают противогазы и впрыскивают в купе усыпляющий газ. Все это оказалось очень интересным, но времени у нас с Вадиком было в обрез, потому я нетерпеливо попросила докладчика сузить увлекательную лекцию до одного конкретного случая. Дотошный Вася запросил уточняющую информацию:

– Вы не знаете, только наш вагон обворован или в других жулики тоже поработали?

Вадик слетал к проводнице и вернулся с сообщением:

– Обобрали три вагона!

– Может, и больше, просто не везде еще потерпевшие хватились своего добра, – уверенно сказал Вася. – Три вагона – это много, на Степной мы стояли всего семь минут, значит, весьма возможно, что преступники еще в поезде. Тогда они будут сходить на ближайшей станции – Дачной.

– И мы их там сцапаем! – воодушевился Вадик.

– Как мы их сцапаем? В поезде шестнадцать вагонов, а нас с тобой всего двое! И, кроме того, мы не знаем, откуда они выйдут! – с досадой напомнила я.

– К тому же поезд остановится всего на минуту, а выйдут тут многие: рядом большой дачный поселок, – добавил многоопытный Вася. – Я бы посоветовал вам высунуться в окошко и внимательно осмотреться. Скорее всего, вору приехали на предыдущую станцию на машине, билетов не брали – прошли в вагон в массе других пассажиров, в халатах и тапках, а сейчас так же в толпе выйдут, сядут в ожидающую их машину и укатят.

– Вадик, расчехляй камеру! – сориентировалась я. – Высмотри машину, в которую сядут взрослые с детьми...

– Скорее всего, с мальчишками лет восьми-десяти, – подсказал мудрый Вася.

– Ставь задачу точнее, – потребовал напарник. – Если таких машин будет несколько, попытаться снять их все?

Я секунду подумала и сообразила:

– У наших воров должна быть особая примета: они не только в дорожной одежде, но и в домашней обуви выйдут! А сейчас декабрь, плюс пять, нормальные люди ходят в сапогах и ботинках!

– Понял, ищу босоногих мальчиков! – И Вадик побежал в купе.

Я проводила его взглядом и обернулась к Васе, который тронул меня за локоток.

– Лена, так что у вас украли – кошелек?

– Ах, если бы! – расстроено отмахнулась я.

Кошелек мне было бы не жалко, потому как в нем остались сущие копейки, точнее, евроценты, которые в наших широтах и вовсе деньгами не считаются. Потерять пластиковые

карточки тоже не так страшно – я уже делала это раз десять и потом благополучно восстанавливала их без ущерба для банковского счета.

– У нас украли очень важный документ, – объяснила я, сторонясь, чтобы пропустить людей с чемоданами, – поезд как раз подошел к станции. – Деловые бумаги, контракт, который мы подписали в Германии! Он был в плоском кожаном футляре вроде бьюара. Наверное, воры приняли его за бумажник.

– Ну, бумаги эту публику не интересуют, – покачал головой мой консультант. – Можете быть уверены, ваш контракт они хранить не станут, выбросят при первой возможности. Если еще не выбросили – вместе с футляром! Вообще-то у этой братии заведено немедленно избавляться от кошельков и бумажников, оставляя себе лишь наличные деньги: купюры, если только они не помечены, не смогут уличить воров.

– Немедленно – это значит «по ходу дела»? – сообразила я.

– И по ходу поезда, – кивнул Вася. – Наверняка они выбрасывали все лишнее еще в тамбуре, переходя из одного вагона в другой.

– Пассажиры, Дачная, кто прибыл, поторапливаемся, стоим одну минуту! – проорала из тамбура проводница.

Добросовестно поторапливаясь, по коридору потянулись прибывшие пассажиры. С трудом отцепив заострившие пальцы от Васиной пижамной пуговицы, я шустро, змейкой, скользнула навстречу движению. Поспешающие на выход граждане меня ругали и толкали, но ни остановить, ни серьезно задержать не могли. Остановить меня, когда я ясно вижу цель, можно только тяжелой техникой в режиме лобового столкновения или выстрелом в упор.

В купе было сумеречно: свет загораживал Вадик, утвердившийся коленками на столе. Он сумел открыть окно и высунулся в него с камерой. Наметанным глазом я уловила характерную постановку и мелкую моторику руки оператора: Вадик отлаживал фокус. Определился, стало быть, с объектом видеосъемки.

– Вадька, живо дай мне свой бумажник! – крикнула я, выхватывая из ящика под поднятой полкой свою сумку.

– На, возьми! – напарник, не меняя рабочей стойки, игриво отключил зад.

Сочетание реплики и позы могло показаться непристойным, но я поняла товарища совершенно правильно: затребованный бумажник рельефно оттопыривал его джинсовый карман.

– Беру две тысячи, верну дома! – скороговоркой сообщила я, выдернув из кошелька напарника пару купюр. – Приедешь в город, никому не звони, на работе не появляйся, сиди тихо, как мышка.

– А ты куда? – Вадик заволновался, но съемку не прекратил, так что волнение его выразилось, опять же, в нервных колебаниях нижней части организма.

– Пойду назад по шпалам! Есть шанс найти там нашу пропажу, – объяснила я и зайчиком выскочила из купе.

Дородная проводница уже успела выпроводить из вагона почти всех прибывших пассажиров и загородила выход своим телом. В тамбуре, растерянно оглядываясь, переминался только наш консультант по криминальным ЧП на транспорте Вася-Пьеро. Увидев меня, он улыбнулся и радостно сказал:

– Я правильно понял, вы тоже выходите? Давайте вместе пойдем, в компании веселее!

– Ага, обхохочешься, – мрачно пробормотала я, поправив сумку на плече.

– Да выходите уже, сейчас тронемся! – рявкнула на нас проводница.

У меня мелькнула мысль, что я уже слегка тронулась: чтобы по собственной воле покинуть поезд за двести километров до места назначения, нужно быть совсем ненормальной! С недавних пор все происходящее со мной здорово напоминало театр абсурда.

«А началось все со встречи с твоим юристом, не к ночи будь помянут!» – подсказал мой внутренний голос, не утративший целенаправленной мстительности.

– С юристом я еще разберусь, – пообещала я.

Вася-Пьеро взглянул на меня озадаченно, видимо, попытался уловить логическую связь между преследованием воров и разборками с юристом.

– Никакой логики нет, никакой связи тоже, – не без сожаления брякнула я.

Однако сокрушаться по поводу отсутствия в моей жизни того или другого было не время.

– Живо, живо! – грубиянка проводница едва не вытолкала нас из вагона.

На перроне уже было немногочленно, граждане, благополучно прибывшие, деловито втягивались в открытые двери здания станции либо пересекали пути, разбредаясь по окрестностям в соответствии с милым сердцу каждого русского человека анархическим принципом «куда душе угодно». По единственной подъездной дороге удалялись старенькие «Жигули» невнятного светлого колера. Я прищурилась, но номера не рассмотрела и понадеялась, что у Вадика, вооруженного оптикой камеры, зрение острее моего.

Поезд, потерявший немало пассажиров, со стуком и грохотом промчался мимо. Стало тихо, только в дачном поселке азартно лаяли собаки, по-своему приветствуя прибывших.

– Не знаю, как вы, Вася, а я лично собираюсь идти на предыдущую станцию непосредственно по шпалам! – чинно сообщила я своему дружелюбному консультанту. – Это к вашему вопросу о прогулке в компании.

– Тогда и я с вами!

Мой новый знакомый с готовностью поддержал идею пешего странствия. Багаж у него был не существенный – одна спортивная сумка. Он нацепил ее на манер рюкзака и потер руки:

– Ну, я готов идти!

Я вместо ответа с треском застегнула молнию куртки, и мы двинулись по шпалам в сторону, противоположную той, куда ушел наш поезд.

Пьеро, переставший быть печальным, некоторое время развлекал меня песенными номерами на железнодорожную тему. Сначала он вдохновенно исполнил «Голубой вагон», потом песенку паровозика из Ромашково, а затем перешел с детского репертуара на «дедский» и завел стародавний лирический хит про сбежавшую электричку.

– И я по шпалам, опять по шпалам иду-у-у-у домой по привычке! – бодро распевал Вася. – Пара-ру-ра-ру-ра-ру-ра-ру-ра-ру-ра! Пара...

– Действительно, пора! Пора переходить от слов и мелодий к делам и поступкам! – строго сказала я. – Вася! Мы с вами тут не просто так гуляем, а ищем коричневый кожаный буюар с важными документами на немецком языке. Давайте разделим зоны ответственности: вы смотрите направо, я – налево.

«Что-то в последнее время тебя слишком часто тянет налево!» – уязвил меня высокоморальный внутренний голос.

– Или наоборот: вы налево, а я направо! – признав суровую правоту сказанного, поправилась я.

– А на рельсы кто? – спросил Вася.

– Анна Каренина! – хмыкнула я. – Не на рельсы, Вася, а на шпалы и на то, что между ними. На железнодорожное полотно мы смотрим с вами оба. И в оба!

Никогда прежде я не гуляла по шпалам – и правильно делала. Как выяснилось, железная дорога очень плохо приспособлена для пешеходного движения. Мне с большим трудом удавалось соотносить длину шага с расстоянием между шпалами, которые к тому же оказались скользкими из-за покрывающего их инея. После того как мои ноги пару раз соскользнули с деревянных поперечин на неуютный гравий, я поняла, что рискую оказаться на больничной койке с порванным сухожилием, и благоразумно сместилась на обочину. Вася избрал другую тактику: он удивительно ловко шагал по рельсу, балансируя руками, как канатоходец, пока я не попросила его прекратить эквилибристику. Мне хотелось, чтобы мой добровольный компаньон по поисковым работам на пересеченной местности держал в поле зрения более широ-

кое пространство, нежели серебристая полоска металла под ногами. Вася проявил похвальное послушание, спрыгнул на обочину, и мы пошли на запад параллельным курсом.

Время от времени я теряла своего спутника из виду, потому что периодически то он, то я сбегали под откос, чтобы рассмотреть какой-либо подозрительный предмет. Поскольку аукать друг друга и переговариваться через разделяющую нас насыпь было неудобно, мы с Васей применили современные технологии связи и обменялись номерами мобильных телефонов. После этого держать друг друга в курсе находок труда не составило. Правда, мне ничего хорошего так и не попало, а вот Васе повезло. На двадцать третьей минуте нашего железнодорожного странствия он взволнованно окликнул меня по телефону с другой стороны насыпи:

– Лена! Идите сюда! Это не оно?

Местоимение среднего рода «оно» имело чрезвычайно широкий диапазон применения, но очень плохо сочеталось с существительными мужского рода «контракт», «документ», «бювар» и «футляр», однако я легко простила милейшему Васе несоблюдение правил российской грамматики. Я бы ему в этот момент все что угодно простила, даже смертные грехи в малом джентльменском наборе!

– Оно! – радостно вскричала я, с первого взгляда узнав незабываемый кожаный бювар с оттиснутым на нем логотипом немецкого ТВ. – Оно, родимое! Оно, дорогое! Вася! Дай я тебя расцелую, бесценный ты человечик!

5

– Гля, Митрич, как милуются, голубки! – свободной от сумки рукой Дарюха хлопнула себя по оплывшему бедру, выбив из пыльных трикотажных штанов фасона «Юность дедушки Мао» вонючее сизое облачко.

Китайскими штанами с лохматым, как пекинес, начесом Дарюха разжилась на кукурузном поле, раздев тамошнее чучело еще летом, и с тех пор носила обнову, не стирая.

– Прямо Ромео и Джульетта! – хрипло хохотнула она, глядя на парня с девкой, энергично, с подскоками и приплясом обнимающихся в опасной близости от железной дороги.

– Да не, на влюбленных не похожи – не целуются и не ложатся. Никак, конкуренты? – Картавый присел на корточки и из-под низко нависшей дубовой ветви мучительно прищурился на подозрительную парочку.

Впередсмотрящий из него был неважнецкий: оба ока знатока любовных ритуалов прятались под большими багровыми фингалами.

Дарюха на всякий случай попятилась обратно, в лесополосу, и спряталась там за дубовый ствол. Ее сумка стукнулась о дерево и стеклянно звякнула.

– Побегеги бутылки-то, не побей! – не оборачиваясь, прикрикнул на подругу Картавый. – Не для того они шобигались!

Малопонятное слово «шобигались» Дарюха уже привычно перевела для себя как «собирались». Вчера по пьяному делу ее друг-приятель лишился пары зубов и теперь мог величественно зваться Картавым-и-Шепелявым.

– Да что твоим бутылкам делается? Они из вагонов повывлетали и не побились, – напомнила Дарюха.

– Точно, конкуренты! – не слушая ее, ожесточенно пробормотал Картавый. – Гля, они там что-то нашли! Что, не видишь?

Дарюха, у которой в данный момент синяки располагались в некотором отдалении от органов зрения, напрягла глаза и неуверенно сказала:

– Кажись, кошелек...

– Пустой или нет?

Дарюха вытянула шею из-за древесного ствола:

– Чего-то есть в нем, точно.

– Вот пашкуды мелкие! – разозлился Картавый, в сердцах сильно дернув себя за неопрятную бороду. – Че шаштают по чужому учаштку? Мы ш тобой школько уже по этой жележке ходим туда-шюда?

– Так с лета, – ответила Дарюха, непроизвольно погладив памятный летний сувенир – замечательные китайские штаны имени кукурузного чучела.

– А кошельков ш деньгами никогда не подбигали! – напомнил Митрич. – Пора начинать.

– Подбирать? – удивилась Дарюха.

– Отбигать! – поправил Митрич и стал закатывать рукава замусоленного ватника.

6

– А сейчас наш астролог Варфоломей Звездападов расскажет, уважаемые радиослушатели, кому что сулит главное новогоднее животное. Итак, козероги!

– Козлы! – с ненавистью сказал старлей Сергей Горохов и щелкнул тумблером, выключая приемник.

Главное в округе новогоднее животное, занесенное в устные народные святцы под именем Полкаш Вонючка, уже определило судьбу сержанта на всю ближайшую неделю. Глава УВД Сероземского сельского округа полковник милиции Вонюков лично подписал распоряжение о назначении старшего лейтенанта Горохова ответственным за проведение традиционной предновогодней операции «Елки-палки, лес густой». В напарники ему был дан сержант Коля Петров. Отдавая соответствующий приказ, Вонючка, как донесли старлею приближенные к Полкашу (и исполненные злорадства) коллеги, ликовал, как дитя, и ржал, как лошадь. Послать старлея Горохова и сержанта Петрова охранять елки – очень смешная и столь же злая шутка, ситуативно понятная, впрочем, только милиции райцентра.

Если вдуматься, Сереге не на кого было сердиться, кроме себя самого, – в новогоднюю сказку он вляпался по собственной глупости, точнее, по причине избыточного внимания к приказам начальства в лице все того же Вонюкова. В самом начале осени, когда на День округа в Сероземской торжественно открыли памятник Расказаченному Станичнику, полковник распорядился установить вблизи монумента милицейский пост для охраны устроенной вокруг памятника клумбы: некоторые потомки Расказаченного Станичника, к сожалению, имели общественно вредную привычку к несправедливой прихватизации народного добра садово-паркового назначения. Полковник, строго предупрежденный о персональной ответственности главой района, застрашал личный состав управления прозрачной угрозой:

– Ежели опять какая-нибудь сволочь мраморную плитку с бордюра сколупнет, дерн срежет, цветочки повыдергает или, не дай бог, голубые, прости господи, ели выкопает, я это все найду и знаете, куда засуну?

«Ясно, что не в клумбу!» – поняли смышленные подчиненные и приготовились тщательно охранять и травку, и цветочки, и особенно елочки, которые по причине своей крупногабаритности и колючести были бы особенно некомфортны в режиме воспитательно-карательного засовывания.

Несмотря на наличие охраны, одна из четырех поднадзорных елей исчезла ранним утром, когда утомленный вахтой сержант Петров «закрыв глаза на одну минуточку». Причем пропажу заметил не кто-нибудь, а именно старший лейтенант Горохов, навестивший священный монумент на рассвете с прозаической целью – накопать червей, во множестве содержащихся в щедро удобренной почве вип-клумбы. Далее в планах старлея, получившего законный выходной, стояла фантастическая рыбалка на зарыбленном пруду, однако при виде квадратной ямы в земле Серега напрочь забыл про удочки. Местоположение ямы в одном строю с тремя елочками ясно говорило, что ее создатель копал на клумбе отнюдь не червей.

Поспешно и безжалостно разбуженный сержант Петров ужаснулся перспективе и уговорил старлея Горохова не поднимать тревогу. Вместо этого два доблестных милиционера на личном автомобиле старшего лейтенанта рванули в ближайший лесопитомник и за две бутылки водки, приготовленные Гороховым для рыбалки, выторговали себе у сторожа эксклюзивное право выкопать одну елочку. Лопата, спасибо рыбацкой предусмотрительности старлея, у них была своя, так что третью поллитру милиционеры сберегли и позднее распили за благополучное завершение операции.

В половине восьмого утра статус-кво на поруганной клумбе был восстановлен – елочек снова стало четыре. А в половине девятого бригада озеленителей с лопатами и новой елью

взамен неприжившейся и тихо удаленной ими ночью огласила центральную площадь удивленными возгласами и уместными, но нежелательными вопросами. Не меньше двух недель после этого при появлении сержанта Петрова и старлея Горохова сероземские милиционеры фальшивыми от подавленного смеха голосами напевали: «В лесу родилась елочка, в лесу она росла...».

Будь на то Серегина воля, он собственноручно скосил бы все елки в радиусе километра от станицы отцовской бензопилой!

Тем более муторным и противным стало для него спецзадание по патрулированию двух га лесопитомника, где зеленели молодые пицундские сосны и голубели, черт их подери, ненавистные старлею ели.

7

– Штоять, шуки, гуки ввех! – хрипло проорал грубый мужской голос с характерным речевым дефектом алкогольного происхождения: крикун глотал звуки, превращая фразу в кроссворд.

Вдобавок он еще картавил и шепелявил!

Не будучи уверенной, что поняла сказанное правильно, я обернулась на крик и удивленно спросила:

– Что, простите?

– Я тя прощу! Я тя щас так прощу по башке, что мало не покажется! – доверительно пообещала дюжая красномордая тетка в обтрепанных спортивных штанах и жутко грязном свитере с прорезами, сквозь которые виднелась полосатая матросская тельняшка.

Прозвучало это убедительно, к тому же мадам уже высоко занесла правую руку с зажатой в ней бутылкой из-под шампанского. Я ойкнула и попятилась.

– Гуки, шуки! – продолжал орать дефективный.

Выглядел он устрашающе – как Франкенштейн из мира животных: красный нос тукана, глазные впадины расцвечены «под панду», в косматой бороде крошки и какой-то цыплячий пух. Разинутый в крике рот демонстрировал тотальную нехватку зубов. В руке монстр держал большой зазубренный нож.

Жуткая парочка до того напоминала безобразно спившихся и опустившихся Лису Алису и Кота Базилио, что я ассоциативно покосилась на Васю-Пьеро. Мой спутник уже стоял с поднятыми руками, и я со всей определенностью поняла, кому вот-вот достанется роль несчастного простака Буратино, под бандитским нажимом расстающегося с золотыми монетами.

– Кошелек или жизнь! – подтверждая мою догадку, сказала мадам с бутылкой.

Свободной рукой она вырвала у меня бювар с немецким контрактом и не глядя сунула его в обширную прорезу свитера, плотно зафиксировав добычу между вязаным полотном и тельняшкой.

– Послушайте, уважаемые! – возмутилась я (не опуская, впрочем, поднятых рук). – Верните бювар, он вам не нужен! Это мое, отдайте, я вам денег дам!

– Пошла на хген шо швоими бабками! – дефективный огрызнулся и взмахнул ножом, вынудив нас с Васей попятиться. – Мы люди швободные и чештные, нам чужого не надо, но и наше не тгнь!

– Давай, давай свои деньги! – одобрила меня его боевая подруга. – Ты че, Картавый? Сама дает, зачем отказываться?

– Тю, дуга! – беззубый сплюнул сразу тремя струйками. – Шама дашт, шама и в ментовку побежит!

– Сразу не побежит, а потом поздно будет, – успокоила его подруга, вытягивая из кармана замусоленную бечеву. – А ну, геть вниз!

Оступаясь на камешках, мы с Васей спустились с насыпи на плантацию ровных, как на подбор, сосенок.

– Зря вы им про деньги сказали, не поможет это, – беззлобно попенял мне Василий. – Только хуже будет: теперь вам ни денег, ни документов не вернуть! Я эту публику знаю, они ваши тыщи пропьют точно так же, как свою совесть!

– Девочки налево, мальчики направо! – весело скомандовала мадам, повелительно взмахнув моими деньгами. – Раз-два! Присели под сосенками! Три-четыре! Ручки назад, и сидим, дышим целебным хвойным ароматом! Вдох-выдох! Вдох-выдох!

Шершавая бечевка туго стянула мои запястья и сосновый ствол в один «букет». Посмотрев на Васю, я увидела, что он тоже перевязан и помещен под елочку, как оригинальный новогодний подарок.

– Кра-со-та! – полюбовавшись нами, с удовольствием произнесла мадам.

Ее приятель уже карабкался вверх по насыпи.

– Счастливо оставаться! – улыбнулась нам на прощание вредная баба.

И, видимо уловив сходство Васи-Пьеро в его светлых трикотажных штанах с новогодним зайчиком, издевательски напела:

– Трусилка зайка серенький под елочкой скакал! С наступающим, товарищи!

Она помахала моими деньгами и моим же бюваром и заторопилась вдогонку за картавым.

А мне стало так отчаянно грустно, что утренняя печаль по поводу неразделенной любви сейчас вызвала у меня лишь ностальгическую улыбку. Дела были плохи, как никогда: я лишилась и контракта, и денег, и свободы действий.

Подергав руки, я убедилась, что привязь моя крепка. Хотя, конечно, веревка – это не чугунные кандалы, при достаточном количестве времени и терпения ее можно перетереть о шершавый ствол...

Додумавшись до этой бодрящей мысли, я энергично зашевелилась. При этом в поле моего зрения вновь попала персональная елочка Васи – он тоже размеренно ворочался, старательно перетирая свои веревочные оковы. Васино освободительное движение оказалось гораздо успешнее моего: минут через десять «зайка» выпрыгнул из-под своей елочки к моей сосенке:

– Давай помогу!

– Не надо, сама справлюсь! – проявила благородную самоотверженность я. – Ты лучше беги поскорее вдогонку за этими гадами, нельзя их потерять! Не упустить контракт – сейчас самое главное!

От моего замутненного многочисленными переживаниями сознания как-то ускользнул очевидный факт, что у Васи, не являющегося подданным Их Величества Гадюкина, может быть свое, отличное от моего представление о главном и второстепенном. По идее, после пережитого на пару со мной неприятного приключения Вася запросто мог сказать: «Да идите вы со своим контрактом!» Послав меня в тенистый сад, то есть в данном случае в сосновый лес. Однако Печальный Пьеро оказался настоящим товарищем с бойцовским характером.

– Отвяжу тебя, и вместе побегим! – возразил он.

– Есть идея получше, – сказала я. – Открой мою сумку. В боковом кармашке есть пилочки. Дай мне одну и беги, не теряй времени. Я освобожусь – догоню.

Пяток прекрасных маникюрных пилочек я купила в Германии в качестве маленьких полезных сувениров для коллег женского пола. Стальное лезвие каждой пилки было покрыто алмазной пылью, а на пластмассовой – под слоновую кость – рукоятке имелось изображение кряжистой мужской фигурки с топором. Не думаю, что логотип производителя указывали в качестве потребителей фирменной продукции гламурных дровосеков. Скорее это был намек на непревзойденную крепость прославленной немецкой стали, которой хоть ногти точи, хоть дубы вали. Но я намерена была поддержать идею красивой жизни лесорубов и слегка подмажничать германской пилкой свою пицундскую сосенку.

Сунув в мой кулак маникюрно-лесопильное орудие, бесценный Вася оставил меня сражаться с веревочными оковами и заторопился вдогонку за нашими обидчиками. Мне уже удалось заметно ослабить веревочную петлю, оставалось правильно сориентировать пилку. После нескольких неудачных попыток, завершившихся появлением царапин на моем левом запястье и ссадин на стволе дерева, я нащупала путь к свободе и энергично зачиркала пилочкой.

8

– Вот су-уки! – с ненавистью произнес старший лейтенант Горохов, оглядев поруганную плантацию.

В лесопитомнике, порученном их с Петровым заботам, успели похозяйничать незаконные рубщики. В ровных рядах двухлетних хвойных там и сям зияли бреши.

– Не меньше пятидесяти деревьев спилили! – негодовал старлей.

– Больше, – убитым голосом поправил сержант Петров, глядя в сторону железнодорожной насыпи.

Под ней аккуратным рядком, как загорающие на пляже дисциплинированные пионеры, лежали отборные полутораметровые сосенки – идеальные рождественские деревца, которые наверняка будут восхитительно смотреться в новогоднем наряде из стеклянных шаров и мишуры. Однако сержанта предвкушение чужого праздника не порадовало.

– Почитай, сотню завалили! – скорбно заметил он и стянул с головы шапку, ассоциируя лежащие елочки не с загорающими пионерами, а с невинными жертвами массового побоища.

– Ну и нам с тобой теперь кирдык, – зло сказал старлей Горохов. – Засмеют окончательно. А то и вовсе из органов попрут. Блин, а я только в прошлом месяце пятнадцать штук за семестр заплатил!

– Жалко, – сказал Петров с сочувствием, которое, впрочем, было весьма умеренным.

У сержанта не имелось свободных пятнадцати тысяч. А если бы и имелись, он не стал бы отдавать их за обучение в юридическом институте МВД. Сержант Петров был простым и скромным парнем с простыми и скромными потребностями, преимущественно физиологического характера. Другое дело – бывший выпускник истфака старлей Горохов. Он страстно мечтал сделать карьеру и знал, что без профильного юридического образования ему не подняться даже до подполковника. А хотелось подняться много выше – старлей находил, что «генерал Горохов» будет звучать весьма внушительно.

Неосознанным жестом старлей тоже стянул головной убор, притиснул его к печени и тяжело вздохнул. Глядя на безвременно срубленные сосенки, он прощался не только с ними, но и с надеждами на блестящую милицейскую карьеру.

– Под откосом сложили, – сказал тем временем сержант. – На дрезине, что ли, увозить собрались?

Эта реплика повернула мысли старлея Горохова от печальных фантазий на тему бесславного милицейского будущего к тревожному настоящему, в котором еще можно было попытаться повлиять на ход судьбы. Воображение старшего лейтенанта услужливо нарисовало ряд жизнеутверждающих картин. Вот он, старлей Горохов, геройски задерживает преступников, цинично покусившихся на несовершеннолетние ели. Вот нелегальных рубщиков показательно судят и отправляют в те суровые края, где сосны рвутся в небо, а рубка их производится на законных основаниях, в порядке, крайне далеком от добровольного. Вот сто пострадавших от произвола сосенок в праздничном новогоднем убранстве уходят в детские дома, школы, садики и квартиры районного начальства, неизменно охочего до халявы и конфиската... Старший лейтенант представил даже визгливую радость избалованной младшей дочери полковника Вонюкова и неуверенно улыбнулся.

– По-моему, эти деятели еще не закончили, – сказал сержант Петров, продолжая обстоятельно разрабатывать тему. – Вишь, как деревца лежат? Растопырочками. В таком виде их везти негоже, ветки помнутся, поломаются, товарного вида не будет. Елочки, сосенки, пихты всякие – их перед транспортировкой вязать надо.

– Вязать – это правильно, – просветлев лицом, недобро ухмыльнулся Горохов. – Вязать – это очень даже хорошо. Только это не они, это мы их повяжем! А ну, загони-ка машину за елку пораскидистее, и пойдем поищем наших клиентов, заклятых врагов зеленых насаждений!

Спрятав свой «жигуль», милиционеры-гринписовцы тихо двинулись в обход плантации, для пушей таинственности поминутно присаживаясь за сосенками и оглядывая окрестности из-под мохнатых зеленых лап. При этом старлей Горохов, продолжающий мечтать о превращении своего позорища в достохвальный подвиг, был менее внимателен, чем его не обремененный фантазиями товарищ, и подозрительный звук первым расслышал именно младший по званию.

– Слышь? Кажись, они! – прошептал сражент с недоброй радостью карателя, напавшего на свежий партизанский след.

Старший лейтенант сторожко прислушался и торжествующе пробормотал:

– В лесу раздавался топор дровосека!

Стихотворный текст незначительно расходился с прозой жизни: звук, который уловило чуткое милицеекое ухо, соответствовал не рубке, а пилке.

– Там! – приблизительно определившись с источником шума, Петров и Горохов разделились, чтобы взять противника в тиски.

И едва не припозднились с захватом: объект неожиданно сам выскочил из-под деревца навстречу старлею!

– Стоять! Милиция! – крикнул Горохов, приседая и растопыривая руки, чтобы не упустить резвую гражданку в нетипичном для вредителя леса наряде: модных джинсиках и кожаной курточке с рюшками.

– Милиция, миленькая! – опять же нехарактерно обрадовалась вредительница.

В следующую секунду она повисла на шее у старшего лейтенанта, как медаль на ленточке.

– Стоять! – задергался Горохов, спешно стряхивая с себя неожиданную «награду».

Вредительница держалась на форменной милицеекой куртке цепко, как плющ на дереве, но, в отличие от безобидного растения, порывалась дополнить несанкционированное объятие поцелуями.

– Вот нахалка! – с плохо скрытой завистью возмутился сражент Петров, незаслуженно обделенный преступными ласками. – Так и запишем: при задержании сопротивления не оказала, но пыталась дать взятку натурой лицу, находящемуся при исполнении!

– Чего? – удивленно переспросила нахалка, отказываясь от намерения покрыть признательными поцелуями исполнительное милицеекое лицо. – При каком задержании?

– Документики ваши предъявите! – утерев физиономию, злорадно сказал старлей Горохов.

– А оружие преступления вот сюда попрошу! – сражент Петров выдернул из кармана полиэтиленовый пакетик из-под благополучно съеденных пирожков.

Вытряхнув из него крошки, он ухватил нахалку за запястье и в имитации рукопожатия ловко вытряхнул из стиснутого кулачка миниатюрный клинок.

– Вы спятили?! – оскорбилась нахалка.

– Так и запишем: при задержании оскорбляла лицо, находящееся при исполнении! – с удовольствием отметил сражент.

– Какого преступления?!

– Да ладно вам! К чему запираться? – махнул рукой старлей, настроение которого улучшалось с каждой минутой. – «Какое преступление»? А такое: незаконная заготовка новогодних елей!

– В количестве ста штук! – услужливо подсказал сражент Петров. – Или не ста? Признавайтесь по-хорошему, сколько деревьев срубили?

– Чем бы я их рубила?! – удивилась нахалка. – У меня и топора нет, одна пилочка!

– Сколько деревьев спилили? – учел поправку сержант.

– Это дамская маникюрная пилочка!!! – завопила гражданка, топая ногами.

– Ага, рассказывайте! Дамская! – заржал сержант. – А нарисован-то на ней мужик с топором!

– Мужики, вы что – смеетесь? – Дамочка перестала орать и широко раскрыла глаза, заблестевшие не хуже новогодних шариков.

Милицейские мужики и впрямь весело смеялись.

– Не пилила я деревья, клянусь вам! – горячо сказала задержанная, прижимая руки к сердцу. – Я веревку пилила!

– О, точно, тут и веревочка есть! – заглянув под сосенку, пуще прежнего обрадовался сержант Петров. – Вокруг стволика намотана, а на коре имеются отчетливые следы пилки!

– Так и запишем: пилила деревья – раз, вязала их – два! – резюмировал старлей Горохов. – Короче, гражданочка, попрошу прекратить разговорчики. Пройдемте!

– Да побойтесь бога, господа товарищи! Какие елки? Между прочим, я сама стала жертвой бандитского нападения! Меня, между прочим, ограбили! Украли очень важный документ! – задергалась гражданочка. – Вы выслушайте меня сначала!

– А вот мы сейчас вас в отделении отвезем и там как следует выслушаем! – пообещал Петров.

– Погоди уезжать, надо в лесничество сообщить, пусть пришлют своих людей – ущерб посчитать, елки собрать! – возразил Горохов.

В ожидании лесников милиционеры поместили задержанную в «шестерку», а сами остались на плантации, глубоко и свободно дыша хвойным ароматом. Солнышко поднималось все выше, приятно согревая воздух и озябшие милицейские души.

Для кого как, а для сержанта Петрова и старлей Горохова день обещал быть чудесным.

9

– Ладно! – сказала я себе, нервно побарабанив пальцами по бугристому сиденью, с которым до меня контактировали не лучшими своими сторонами худшие люди общества. – Ладно, ладно, ладно! Только один звонок. Один звонок – это же не беспринципное заигрывание, правда? Тем более у меня и в мыслях нет с ним заигрывать. Хватит уже, наигралась.

«Доигралась!» – ворчливо поправил внутренний голос.

– Тем более пусть он меня спасает! – огрызнулась я. – Во всех детективах безвинно арестованные герои всегда звонят своим юристам! Вот и я позвоню.

«Да уж, что-то, а повод организовать ты умеешь!» – неодобрительно буркнул мой внутренний ментор, но я его уже не слушала.

Я быстро, но внимательно, чтобы вновь не ошибиться, набрала нужный номер и, пока шел вызов, успела трижды прочитать успокаивающее заклинание: «Юрист человеку – друг, товарищ и брат!»

В братьях благодаря Вадику у меня острой нехватки не было, а вот юридически подкованный друг и товарищ требовался просто до зарезу. С учетом специфики шьющегося мне дела, я бы даже сказала – до запилу и зарубу.

– Привет! – вполне ласково сказал мой заклятый друг. – Как дела? Я рад тебя слышать.

– А уж я как рада, – удерживая на лице старательно прицепленную улыбку, ответила я. – Слышать! Видеть, обонять, осязать...

«Полегче с сомнительными глаголами, – сердито предупредил внутренний голос. – Договоришься опять...»

– Извини, что беспокою, но у меня возник срочный и важный вопрос по твоей юридической части, – светски застрекотала я, усилием воли заглушив вскипающие эмоции. – Не подскажешь, какое будущее светит человеку, которого несправедливо обвиняют в том, что он спилил сотню елок?

– Гм... – Саша, похоже, озадачился, но в грязь лицом не ударил. – Секундочку, я сейчас посмотрю... Этот человек, он спилил свои елки без договора аренды лесных участков?

– Вообще без всякого договора, ты угадал, – вздохнула я, с тоской и печалью вспомнив отнятый у меня наглыми грабителями германский контракт.

– Значит, рубка является незаконной, и ущерб от нее будет исчисляться на основании постановления Правительства Российской Федерации от 8 мая 2007 года, – бодро зачастил законовед. – В каком возрасте были ели? Старше десяти лет или моложе?

– А я почему знаю? – искренне изумилась я. – Они мне свои паспорта не показывали!

– А стволы тебе показывали? – по тону чувствовалось, что Александр начинает нервничать.

– Стволы – это пистолеты? – Я обернулась к окошку и опасно посмотрела на пленивших меня ментов. – Пока не показывали. А что, могут?

Мне сделалось зябко: если меня будут допрашивать с оружием, я сознаюсь в чем угодно – от незаконной рубки елок до убийства президента Кеннеди. Таким образом, перспектива давать показания под дулом пистолета для меня топографически совпадает с прямой дорогой на нары.

– Я тебя про еловые стволы спрашиваю! – рассердился Саша. – Они больше двенадцати сантиметров в диаметре или меньше?

– Меньше, точно меньше! – вспомнила я.

– Стоимость древесины деревьев хвойных пород, не достигших двенадцати сантиметров, определяется исходя из «Ставок платы за единицу объема лесных ресурсов и ставки платы за единицу площади лесного участка, находящегося в федеральной собственности».

– Да к чертовой бабушке эту высшую еловую математику! – психанула я. – Скажи просто, впадают штраф?

– Надо смотреть конкретный случай, – уклончиво ответил Саша. – Но если это сто елок, то административным взысканием не отделаться. Видишь ли, есть еще статья 260 Уголовного кодекса Российской Федерации «Незаконная рубка лесных насаждений». Наказывается действительно штрафом до сорока тысяч рублей или в размере заработной платы осужденного за период до трех месяцев...

– Ну, это пустяки! – обрадовалась я, вспомнив, сколь мизерную официальную заработную плату назначил мне Гадюкин, злостно экономящий на налоговых отчислениях в бюджет.

– Я еще не договорил, – остановил меня знаток преступлений и наказаний. – Либо штраф, либо лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет!

Эта информация меня не напугала: что-то мне подсказывало, что журналистская деятельность в число потенциально подзапретных не входит. Но Саша продолжал меня запугивать:

– И это, учти, только если данное уголовно наказуемое деяние не совершено группой лиц, потому что в противном случае умножай все в разы. Штраф – до двухсот тысяч, лишение свободы – до двух лет.

– Что?! Меня посадят на два года за какие-то паршивые елки?! – возмутилась я. – Да кто придумал такие законы?!

Очень хотелось развить эту тему с упоминанием сухарей-адвокатов-законников-лицемеров-крючкотворов, но пришлось экстренно свернуть дискуссию, потому что на гребне железнодорожной насыпи появилась знакомая фигура в белом пижамном обмундировании. Очевидно, не замечая ни милицейский «жигуленок», ни его хозяев, мой верный товарищ Вася целеустремленно шагал к покинутой мною сосенке.

«Надо же, как он некстати! – сокрушенно охнул внутренний голос. – Вот сейчас они так и запишут: незаконную пилку сосен совершила группа лиц!»

– Вася! Вась, Вась, Вась! – заблуждалась я, судорожно тиская мобильник. – Стой, где стоишь! Ни шагу вперед!

– Лен, я как раз стою на рельсах и вижу – поезд идет, – неуверенно хохотнул голос в трубке. – Можно я все-таки отожду с пути состава на пару шагов?

– Тогда не вперед, а назад! И заляг там, как партизан, чтобы менты тебя не заметили! – Я наскоро переиграла сценарий.

– Лен, так это же наш поезд, не вражеский! – продолжал веселиться Беспечальный Пьеро.

– Делай, что тебе говорят! – разозлилась я. – Не хватало еще из-за твоего тупого упрямства на два года на Север загнать!

«Кстати, Саша как раз на Севере живет», – не особенно кстати заметил мой внутренний голос.

– Тем более, к черту Север! – вызверилась я. – Вася, ты где?

– Дисциплинированно лежу под откосом, как взорванный состав! – доложил мой товарищ подозрительно дрожащим голосом.

Я заподозрила, что Вася смеется, окончательно осатанела и с большим удовольствием испортила ему неуместное веселье рассказом о моем аресте и наших общих таежных перспективах.

– Погоди пугаться раньше времени, – выслушав меня, сказал Вася с твердостью, которой я от него не ожидала. – Вижу, телефон у тебя не забрали. А документы?

– Спрашивали, но я решила не давать, а обыскивать меня пока не стали, – ответила я, произвольно поживившись при мысли о личном досмотре.

– В таком случае что же тебе мешает уйти, не прощаясь?

– Так догонят же! – заволновалась я. – Еще, глядишь, по шее наkostenяют и срок добавят за побег!

Вася попытался вернуть мне спокойствие, напомнив, что меня еще не только не судили, но даже фактически не арестовали (тут я мысленно помянула недобрым словом всех знатоков юриспруденции – как профессионалов, так и любителей). Я не сильно успокоилась и, закончив разговор с Васей, позвонила своему доброму другу милицейского происхождения Сергею Лазарчуку.

– Капитан!

– Опять забыла? Я уже майо-о-ор! – Серега зевнул мне в ухо. – Доброе утро!

– Кому как, – пробормотала я. – Серый, один вопрос: скажи мне, как многоопытный мент, могут ли твои коллеги всерьез ангажировать на роль преступника, срубившего сотню елок, хрупкую женщину с маникюрной пилочкой?

– Что, никого получше не нашлось, а дело закрыть очень надо? – Лазарчук хохотнул. – Могут, Лен, могут! Другой вопрос – смогут ли ей это дело пришить так крепко, чтобы оно на суде не оторвалось? Добрый адвокат...

– Где же мне его взять-то, доброго? – раздраженно буркнула я и выключила трубку, пока Серега не проснулся окончательно и не начал примерять роль преступной пыльщицы елок на некоторых своих не в меру активных (и при этом жутко невезучих) знакомых.

Разговор меня не порадовал. Я разочаровалась в милиции так же, как в юристах, и поняла, что надеяться могу только на себя. После этого мысль о бегстве в моей голове не просто укоренилась – выросла в смелый план так же быстро, как побег бамбука.

Как убежать, чтобы злые милицейские дяди не пустились в погоню, я придумала без труда. Сложнее было найти способ выбраться из замкнутого пространства машины, но тут мне помог добрым советом знакомый продавец-консультант из магазина, специализирующегося на продаже автосигнализаций и противоугонных средств. Мы с Вадиком в позапрошлом году снимали рекламный сюжет об этой конторе и с тех пор неоднократно крепили взаимоотношения, обращаясь к специалистам за профильной консультацией: пижон Вадик за два года поменял три машины, а я все еще собиралась купить свою первую и так сильно боялась ошибиться с выбором, что переход из пешеходов в автомобилисты обещал затянуться надолго.

– Димочка, привет, это Лена, можешь быстренько ответить на один вопросик? – ласково замурлыкала я. – Не подскажешь, как можно открыть запертую машину изнутри? Если все двери закрыты намертво?

– Что, система центрального замка установлена? – легко диагностировал проблему специалист. – Понятно. Тогда для отпирания изнутри любой двери сначала нужно перевести в верхнее положение рычажок замка в двери водителя.

– А, ч-ч-ерт! Он не переводится! – сообщила я, проверив на прочность полученный совет и собственные ногти, один из которых не выдержал неравной борьбы с противным рычажком и сломался.

– Тогда только ключом снаружи.

– Вот спасибо тебе, помог! – язвительно сказала я. – Дима! Ключом снаружи любой дурак откроет! Надо без ключа и изнутри!

– Если не секрет, какому конкретно дураку это надо? – съязвил в ответ знатный спец.

– Мне, – честно сказала я, полагая, что это снимет ненужные вопросы.

Действительно, вопросов больше не возникло.

– Пожалуй, я не буду спрашивать, твоя ли это машина, – пробормотал мудрый Дима. – Значит, слушай. Самый простой и эффективный способ разгерметизировать салон – выбить стекло.

«Припаяют еще энное количество лет за порчу казенного имущества!» – быстро подсказал мне внутренний голос.

– А без откровенного варварства никак нельзя? – спросила я вслух. – Как-нибудь так, чтобы машину не испортить?

– Какая хоть машина-то? – с досадой уточнил специалист.

На этот вопрос я могла ответить легко:

– «Жигули» шестой модели!

Это ущербное детище отечественной автопромышленности я могу узнать с закрытыми глазами – у моей подружки Ирки такая же колымага, и мне порой разрешается ею порулить.

– Сказала тоже – «машина»! – развеселился Дима. – Считай, тебе повезло! «ВАЗы» с единицы по семерку включительно запросто открываются металлической линейкой, просунутой между стеклом и стенкой двери. Конструкцию автомобиля знать не обязательно, можно несколько раз потыкать в щель, дверь и откроется. Чем и пользуются угонщики, амбиции которых не распространяются на хорошо защищенные дорогие иномарки.

Я поняла, что Дима вот-вот оседлает своего конька и начнет аргументированно склонять меня к покупке у него самой лучшей и дорогой противоугонной системы, и предпочла закончить разговор. Пора было переходить от теории к практике.

Металлической линейки у меня при себе не было, но имелось нечто подобное – злосчастные маникюрные пилки. В свете новой задачи изображенный на них мужик с топором мог рассматриваться как средневековый штурмовик, хорошо вооруженный для разборок с укрепленными воротами замка. Взлом обычной автомобильной двери в таком контексте представлялся вполне реальным делом.

«Тонкая полоска стали, которая при необходимости гнется и при этом не ломается! – с удовольствием охарактеризовал универсальный германский инструмент мой внутренний голос. – Вполне может сработать. Давай приступай!»

Я не заставила себя уговаривать и приступила.

Практикум начинающего взломщика прошел на удивление успешно. Правда, первую пилку я сломала, но не расстроилась, потому что у меня имелся небольшой запас инструментов. Не было только запаса терпения и времени: я очень беспокоилась, что злые милицейские дяди вернутся в машину раньше, чем я ее покину. Поэтому я тыкала пилкой в щель между стеклом и стенкой двери с энтузиазмом ревнивого фокусника, пронзающего саблей ящик с запортой в нем ветреной красоткой. Пилочка яростно скрежетала, дверь протестующе скрипела, внутренний голос комментировал процесс фехтовальными терминами: «Выпад! Еще выпад! Туше!!!»

– Это не просто туше, это уже проникающее ранение, – пробормотала я.

Печально крикнув, дверь приоткрылась.

«Шпаги в ножны! – быстро сориентировавшись, распорядился мой внутренний командир. – Готовься к отступлению. Пора выводить из укрытия наш засадный полк!»

Я спрятала победоносную пилку, достала мобильник и позвонила Васе.

10

Идиота, приплясывающего на рельсах в обнимку с двумя хвойными деревцами, машинист приближающегося товарного состава заметил гораздо раньше, чем старший лейтенант Горохов и сержант Петров. В ожидании задерживающихся представителей лесхоза милиционеры расслабленно курили и травили анекдоты. Вернее, курил старлей, а хохмил сержант. Рассказывал он артистично, играя голосом, помогая себе мимикой и жестами – старший лейтенант так заслушался и засмотрелся, что отреагировал только на дикий визг паровозного гудка.

– Ох, мать вашу! – обернувшись на звук и выронив сигарету, вскричал Горохов тоном, который однозначно свидетельствовал об отсутствии у него всякого почтения к институту материнства. – Куда попер елки, придурок?!

Хлипкий парень в светлой пижаме поднял хвойное деревце повыше и помахал им, как знаменем.

– А ну, положи, где взял! – на полуслове оборвав анекдот, завопил сержант Петров.

Приближающийся поезд разодрал лесную тишь воплем сирены. Псих на диво шустро отскочил, и накативший товарняк скрыл его от суровых милицейских взглядов.

– Догоним! – предложил старший лейтенант и первым понесся к железнодорожной насыпи.

Побудительные мотивы старшего по званию сержант Петров постиг интуитивно и счел безусловно уважительными.

Несмотря на острое желание старлея и сержанта найти в этом деле крайнего, одинокая дамочка с маникюрной пилкой была неважнецким подозреваемым. При большом желании высокого милицейского начальства ей, конечно, можно было предъявить обвинение в незаконной рубке ста полутораговых сосен, но судебная перспектива такого дела была крайне мутной. А вот добавив на скамье подсудимых к даме с пилкой психа с елкой, можно было с гораздо большим основанием рассчитывать на обвинительный приговор: эти двое уже могли сойти за организованную преступную группу.

– К ним бы еще третьего – с тележкой! – пробормотал Горохов, карабкаясь на насыпь.

При наличии компаньона с транспортным средством дама с пилкой и псих с елкой железно сообразили бы на троих годика по два, если не больше! Юридически подкованный старший лейтенант был неплохо знаком с содержанием статьи двести шестидесятой Уголовного кодекса.

– Вот же гад, а? – присев на корточки, бессильно ругался сержант Петров.

Он пытался высмотреть под несущимися мимо вагонами парня с елками, но тот оказался не таким уж дураком, чтобы ждать, пока поезд пройдет и откроет дорогу милицейской погоне.

– Это как же так получилось? – озадаченно пробормотал Картавый, склоняясь над мелкой серебристой лужей.

Он низко нагнул голову и рассматривал отражение ее лобовой части с таким интересом и вниманием, словно был молодым олененком, нетерпеливо ожидающим появления у него рогов.

– Это как он меня, я не понял?

– Как, как! Молча! – огрызнулась Дарюха, выкручивая намоченную в той же луже тряпочку. – На вот, приложи, пока шишки не вылезли! Мужик, называется! Хилый пацан ему наkostenял одной левой!

– Ражве одной? – нахмурился Картавый.

Если бы хилый пацан наkostenял ему двумя руками, было бы не так обидно.

– Одной левой! – охотно повторила Дарюха, не щадя чувств приятеля. – В правой он кошелек держал.

– Дуга ты! – сурово выругался Картавый, прилепив на лоб мокрую тряпочку. – Жачем отдала?

– Затем, что не хотела тоже по морде схлопотать! – ехидно объяснила ему подруга.

– Думаешь, обойдешь? – распрямляя спину и скручивая кулаки, прошипел Картавый. – Щаш тоже шхлопочешь токо так! Дуга! Пгаждник на ношу, а мы тепегь беж денег!

– Легко пришли, легко ушли! – вздохнула Дарюха, из осторожности отступая в сторону.

Злобное выражение многократно битой физиономии Картавого не сулило ей ничего хорошего. Чувствовалось, что драчливый дружок запоздало рвется в бой и в отсутствие накопившегося ему обидчика может сорвать зло на ком поближе.

– Выпьешь? – предложила Дарюха, надеясь поменять и тему, и настроение приятеля.

– А ешт? – Картавый недоверчиво вздернул брови, не сумев поднять их особенно высоко: помешали надувающиеся на лбу шишки.

– Ну! Берегла к праздничку!

Дарюха пошарила в своей сумке и извлекла из нее поллитровку с завинчивающейся крышкой. Этикетка на бутылке утверждала, что содержимым ее является водка, однако бурый цвет мутной жидкости заставлял в этом усомниться. Данный алкогольный напиток имел сложный состав, химический анализ которого ужаснул бы самого Менделеева. Посильный вклад в наполнение поллитровки вносили все стеклянные и жестяные емкости, встречавшиеся запасливой Дарюхе на ее извилистом жизненном пути на протяжении примерно двух дней. Таким образом, адская смесь пошагово включила в себя несколько сортов пива, вина, водки, алкогольную газировку «Секс на пляже», чуть-чуть коньяка и даже немного виски, драгоценные капли которого Дарюха сцедила из фирменной бутылки, не пригодной к сдаче в пункт приема стеклотары, с благоговением алхимика. Недостающие до полноты внутреннего объема кубические сантиметры Дарюха вдохновенно дополнила забродившим компотом, который красиво затуманил общий колер смеси плодово-ягодной мутью.

– Клашш! – приложившись к бутылке, оценил получившееся пойло Картавый.

Он не ограничился дегустационным глотком и быстро выхлебал все пол-литра. Гремучая смесь подействовала на него немедленно, хотя и не совсем так, как надеялась талантливая последовательница ученого изобретателя водки. Картавый отнюдь не утратил агрессивности, но направил ее на другой объект.

– А ну, пшли! – прошипел он, широким жестом отбросив опустошенную бутылку в кусты, которые та проломила с пугающим треском. – Ща я покажу этому шопляку, шоб он шдох!

– Шо? – сипло выдохнула Дарюха, от волнения перенимая у харизматичного приятеля один из ярко выраженных речевых дефектов.

Вопрос имел характер риторического, ибо диапазон того, что Картавый в принципе мог предъявить в качестве демонстрации со смертельным исходом, ограничивался диспансерным бланком с результатом анализов. Зная характер приятеля, Дарюха не сомневалась, что Картавый намерен показать «шопляку» не что-нибудь (его «что-нибудь» давно уже не впечатляло даже саму Дарюху), а свою молодецкую удаль. По мнению Дарюхи (которое она благоразумно не афишировала), успех данного предприятия представлялся сомнительным, однако и терять Картавому было особо нечего: свободных для новых синяков и шишек мест на его физиономии уже не осталось. Поэтому Дарюха не стала останавливать товарища в его разрушительном порыве. Кое в чем Картавый был, безусловно, прав: для достойной встречи приближающегося Нового года необходимы были материальные ресурсы.

– Ща он шоплями ижойдет, шука! – страшно грозился Картавый, ускоренно перемещаясь в сторону, куда удалился его обидчик, по сложной траектории с многочисленными поворотами и петлями.

Твердо рассчитывать на то, что он не собьется с курса, не приходилось, поэтому Дарюха была немало изумлена, увидев в ложбинке под откосом знакомую фигуру. Парень, которого Картавый упорно именовал «шопляком», не только не убежал подальше – он, наоборот, двигался встречным курсом! При этом скорость его передвижения не снижал даже габаритный и неудобный для транспортировки груз – пара сосенок. Бегущий «шопляк» расположил их параллельно земле и в таком виде несколько напоминал самолет с подвешенными с двух сторон ракетами.

– Ага! – завидев своего врага, азартно закричал картавый. – Штой, шволощ!

Это распоряжение не грешило логикой: остановка могла только отсрочить встречу противников. Парень и не подумал остановиться, наоборот, он ускорил бег и устремился прямо к Картавому, улыбаясь, как умалишенный. Картавый гавкнул:

– Отдавай...

– Пиу! – крикнул придурок и метнул в него одно хвойное деревце, как гигантский дротик. – Пиу!

Дарюха проворно отскочила в сторону, пропуская вторую сосновую торпеду мимо себя.

Умалишенный заложил крутой вираж, обогнул вражескую пару и налегке взбежал на холм, быстро затерявшись среди таких же светлых, как его дурацкий наряд, березок. Картавый грязно выругался, и от бессилия пнул павшее к его ногам деревце, и, ударив ногу, засвистел, как суслик.

– Тихо, тихо! – крикнула ему Дарюха, призывая приятеля к умеренности в производимых им звуках и действиях. – Не ломай ветки-то! Хорошие ведь сосенки, товарные! На рынке такие по пятьсот рублей за метр продают!

– Шо? По пятихатке?!

Картавый прекратил ругаться и с новым интересом посмотрел на дармовые сосенки. В пересчете на озвученные цены два деревца, любезно поднесенные им придурочным сопляком, «тянули» тысячи на полторы. Практическая сметка заслуженного гражданина без определенного места жительства подсказывала Картавому, что реализация востребованного новогоднего товара по демпинговой цене – с пятидесятипроцентной скидкой от рыночной – обречена на финансовый успех.

Дождавшись прохода задержавшего их длинномерного состава, старший лейтенант Горохов и сержант Петров бросились в погоню за психом с краденными сосенками.

Едва они скрылись за гребнем насыпи, из оставленного по другую сторону железной дороги автомобиля шустро вылезла тоненькая женская фигурка. Поправив на плече сумочку, прикрыв дверцу и слегка виновато пробормотав:

– Надеюсь, починить эту дверь будет стоить не очень дорого! – беглая пленница устремилась прочь от покалеченной «шестерки» с такой скоростью, что, если бы по итогам стихийно организовавшегося забега вручались призы и подарки, она свободно могла бы претендовать на Гран-при.

Когда часом позже запыхавшиеся и взмокшие милиционеры в компании двух бомжей с сосенками вернулись к своему авто и не обнаружили в нем задержанной гражданочки, это не стало для них непереносимой утратой.

– Что ни делается, все к лучшему! – философски заметил старший лейтенант Горохов, с третьей попытки захлопнув дверцу за парой новых узников.

В качестве лиц, пригодных для привлечения к ответственности за абсолютно незаконную варварскую рубку молодой сосновой поросли, маргинальные личности с полной сумкой стеклотары и двумя однозначно уличающими их сосенками нравились юридически грамотному старлею гораздо больше, чем крикливая интеллигентная дамочка. Поглядывая через плечо на притихших на заднем сиденье бомжей, Горохов брезгливо морщил нос и довольно ухмылялся.

Со сменой подозреваемых атмосфера в салоне служебного милицейского автомобиля стала заметно хуже, зато судебные перспективы дела несравненно улучшились.

11

– Сегодня мы провожаем в последний путь замечательного человека, отсутствие которого в наших рядах не сможет остаться незамеченным! – на хрустальной слезе прозвенел в микрофон специально нанятый теледиктор.

Голос у него был поставленный, манера говорить эффектная – с многозначительными паузами и страстным придыханием. Гарик неоднократно подпадал под его обаяние при просмотре интригующей телевизионной программы «Криминальный вестник региона», имеющей среди работников Компании самый высокий рейтинг. Единственным минусом речистого диктора была профессиональная привычка косить глазами в поисках телесуфлера. Впрочем, в данном случае это дела не портило: расходящееся косоглазие добавляло образу оратора тревожной растерянности, что только усиливало впечатление от его скорбной речи.

– Андрей Петрович был человеком с большой душой, ясным умом и чистыми руками! – с чувством произнес диктор, слегка отклонившись от заранее согласованного текста.

– Болван! – прошептал стоящий рядом с Гариком помощник Босса – автор надгробной речи и сценария всего мероприятия. – С чистой совестью, а не с чистыми руками!

Гарик скупно усмехнулся краешком рта. Он прекрасно понял, что ошибку в тексте диктор сделал под впечатлением от необычной экипировки покойного: на скрещенных руках мертвого Петровича ослепительно белели нитяные перчатки, гораздо более уместные в праздничном облачении живых музыкантов военных оркестров, караульных гвардейцев, пионерских горнистов и девочек-мажореток. Поскольку ни к одной из вышеперечисленных категорий Петрович при жизни не принадлежал, его посмертное франтовство нуждалось в каком-то объяснении, но Гарик лучше всех понимал, что рассказывать во всеуслышание настоящую историю появления в гробу белых перчаток не следует.

Белый трикотаж обтягивал не холодные пальцы покойника, а парафиновые муляжи кистей рук, наскоро отлитые по гипсовым слепкам. Перчатки с парафином удерживал на култых прозрачный скотч. Гарик находил эту систему крепления не слишком надежной и поэтому заранее попросил сценариста исключить из программы мероприятия ритуальный момент распутывания связанных рук и ног покойного – потревоженные бутафорские конечности запросто могли отвалиться. Гарик чувствовал, что этого зрелища он не выдержит, его и так тошнило, как будущую мамашу с проблемной беременностью.

Прежде чем чувствительность дежурного служителя морга понизилась до порога, который был характерен для клиентов этого заведения, Гарику пришлось выпить с ним на пару три бутылки водки. Только после этого медбрат отключился, а Гарик под водочным наркозом ампутировал золотые руки Петровича. Их замену на парафиновые муляжи произвели уже железобетонные парни из похоронного бюро, услугами которого Компания пользовалась очень давно. К слову сказать, служитель морга, проспавший много интересного, по пробуждении немало удивился, увидев в приготовленной к вывозу домовине полностью экипированного Петровича в неуставных белых перчатках. В практике морга это был первый случай, когда покойник по собственной инициативе необычно принарядился к выходу в последний путь.

Свежий ветерок приятно обдувал тяжелую голову Гарика. С трудом поворачиваясь, чтобы взглянуть на Босса, он отмечал, что тот вроде бы доволен ходом процесса. На похоронах своего заслуженного работника компания не сэкономила: гроб для Петровича купили по цене антикварной мебели, голосистых плакальщиц заказали в Театре оперетты, а венки сплел именитый флорист. Публика выглядела достойно, а уж Босс в черном итальянском пальто и велюровой шляпе с заломом был и вовсе великолепен – только нетерпение во взоре контрастировало с тихой грустью улыбки. Босс ждал результата Мальвининых экспериментов по запоздалому воссоединению фрагментов тела Петровича с ноутбуком.

К сожалению, Мальвина сильно припозднился с докладом. Он начал названивать Боссу, только когда проводы Петровича в последний путь вышли на финишную прямую. Оркестр дружно грянул реквием, и сигналы мобильного бесследно потерялись в вое духовых и грохоте ударных. В результате Мальвина дозвонился лишь с десятой попытки, когда тот уже вышел из крематория.

– Ну?! – нетерпеливо выдохнул Босс, с размаху впечатав в ухо ультратонкий мобильник и сбив набок щегольскую шляпу.

В перекошенном головном уборе вид у него был не столько величественный, сколько комический, но Гарик остерегся веселиться. Наметанным глазом он оценил внезапную бледность и остановившийся взор Босса и встревожился: похоже было, что тот может отправиться по стопам Петровича.

– Виктор Иванович, вам плохо? – рискнул спросить Гарик.

– Останови машину! – просипел Босс, дергая воротник пальто, как революционный матрос Железняк, эротично разрывающий на себе тельняшку.

Водитель послушно ударил по тормозам.

– Назад! – хрипло велел Босс и, оглядываясь, вывернул шею.

В скругленной раме заднего стекла явственно виднелась дымящая труба крематория.

– Поздно, – пробормотал он.

– Что-то не так, Виктор Иванович? – дерзнул спросить его помощник.

– Не так? – Босс нервно хмыкнул. – Конечно, не так! Этот гад, наш дорогой усопший, вовсе не ручкой ноутбук опечатал! Мальвина все десять пальцев и так, и сяк попробовал – ни один не подошел!

Он нехорошо выругался и уныло добавил, точно хозяйшка, не добравшая субпродуктов на холодец:

– Надо было и ножки брать.

– Ох, ма! – выдохнул Гарик, впечатленный перспективами, которые, к счастью, успел развеять в дым исправно работающий крематорий.

– Извините, Виктор Иванович, но есть ли у нас вообще уверенность в том, что в качестве пароля был использован отпечаток пальца? Мало ли какие бывают отпечатки? – осторожно спросил помощник.

Босс молчал – думал. Подчиненные тоже молчали – не мешали.

– Ну, что я вам скажу? – вздохнул Босс минут через пять. – Выход один: надо лететь обратно, чтобы еще раз получить ту же информацию. Без нее мы как без рук.

Гарик даже не улыбнулся. Информация, нужная Боссу до зарезу, ради конспирации была передана Петровичу только в электронном виде. Однако заказчик располагал и таким же файлом, и оригинальным бумажным документом.

– Причем сделать это надо втайне от клиента! Иначе он решит, что мы люди ненадежные, несерьезные, и откажется от сотрудничества, – рассуждал Босс. – А это будет очень плохо.

Он посмотрел на Гарика, а затем выразительно покосился на дымящую трубу, без слов давая понять, кому именно будет плохо и насколько.

– Я все сделаю, Босс! Будьте спокойны! – торопливо заверил его Гарик.

– Алло, девушка, это справочная аэропорта? – не дожидаясь команды, забасил в телефонную трубку расторопный помощник. – Подскажите, пожалуйста, на сегодняшний рейс «Люфт-ганзы» одно местечко найдется?

12

Ирина Максимова стояла на перроне, зябко притопывая ногами в шикарных мокасинах из антилопы. Кожа тонкой выделки смотрелась очень красиво, но плохо защищала от холода. На сыром бетоне ноги мерзли, как на льду, и щеголиха уже десять раз пожалела о том, что не обулась в теплые сапожки. Но ей так хотелось показать подруге, возвращающейся из шикарной заграничной командировки, что и в родном отечестве лучшие люди ходят отнюдь не в лаптях и сермяге! Как альтернативу сермяге, о которой лучшие люди родного отечества даже не знали толком, что она такое, Ирка набросила на плечи вязаную кофту из полосочек норкового меха. Противоестественный союз норки и антилопы визуально, тем не менее, не диссонировал.

– Да где же она, в конце-то концов? – ворчала Ирка, высматривая на перроне знакомую фигуру. – Небось накупила в Берлине тряпок, набила полные чемоданы и теперь вытащить их не может!

Она пару раз позвонила подруге на мобильный, но абонент был постоянно недоступен.

Поток пассажиров, покидающих вагоны поезда, почти иссяк, когда Ирка наконец заметила знакомую фигуру – правда, вовсе не подружку, а мужскую – видную, заметную изда-лека. При этом быть замеченной фигура, похоже, не очень хотела, потому как в процессе перемещения по перрону норовила прятаться за столбы и киоски.

– Вадик! Ну, наконец-то! – заорала Ирка, испортив парню всю конспирацию. – Давай сюда! Я ж вас встречаю, как договорились, вы забыли, что ли?

– Не ори, пожалуйста! – поравнявшись с ней, досадливо попросил Вадик и поправил на носу солнцезащитные очки, абсолютно неуместные пасмурным днем в конце декабря.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.